

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

Культурология

№ 6 (2014)

Симферополь
2014

УДК 7.072.2(051)

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол №12 от 25 декабря 2014 г.)*

Редакционная коллегия:

Главный редактор — Е. В. Чайка

*Члены редакционной коллегии: В. В. Медушевский., М. А. Сова, Лю Бин-
цянъ (Китай), Каленска-Родзай Ю. (Польша), Е. Н. Маркова (Украина),
Н. Е. Гребенюк (Украина), Н. А. Давыдов (Украина)*

Ответственный секретарь — Е. В. Донская

ts.uncat.crimea.ua

Таврические студии. Культурология № 6. — Симферополь : ГБОУВОРК
«Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2014. — 94 с.

Журнал «Таврические студии» включен в перечень электронных на-
учных специализированных изданий Украины по направлениям «Исто-
рические науки» (Постановление Президиума ВАК Украины № 2-05/2 от
23 февраля 2011 г.), «Искусствоведение» (Приказ Министерства образова-
ния и науки Украины № 893 от 04.07.2013 г.) и «Культурология» (Приказ
Министерства образования и науки Украины № 893 от 04.07.2013 г.)

За достоверность информации, содержание статей редакция ответствен-
ности не несет. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпа-
дать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

УДК 7.072.2(051)

© ГБОУВОРК «Крымский университет культуры,
искусств и туризма», 2014
© ООО «Антиква», оригинал-макет, 2014

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

УДК 008

Ф. В. Лазарев

Русский мир в горизонте XXI столетия

В статье анализируется феномен российской цивилизации в социокультурном контексте. Показано, что данная цивилизация имеет четыре культурных истока — византизм (православие), язычество (автохтонный элемент), западничество (европейский элемент), евразийство (туранский элемент). Соответственно в русской истории существенны четыре цивилизационных проекта.

Ключевые слова: русский мир; цивилизация; цивилизационный проект; византизм; язычество; евразийство; западничество.

Предлагаемая работа посвящена исследованию *цивилизаций* как особых социально-исторических образований. В центре нашего внимания будет Русский мир. В последние годы интерес к этому феномену истории постоянно возрастает. Появляется множество работ, в которых предпринимаются попытки рассмотреть его с разных сторон и в разных социокультурных перспективах [1-4].

Всякая жизнеспособная цивилизация в своем мироустроительном целепологании опирается на тот или иной Большой цивилизационный

проект, как правило, рассчитанный на столетия. Ни одно общество не может полноценно развиваться, если оно лишено представления о перспективе, если у него нет значительных культурно-мировоззренческих конструкций. Конструкции такого рода мы встречаем в Древнем Египте, Древнем Китае. Если вспомнить Новое время, то для европейской цивилизации наиболее типичным был проект Просвещения. Он не только был задуман мыслителями того времени, но блестяще претворен в жизнь за последние 3-4 столетия. Лишь к середине

XX века просвещенческая идеология исчерпала свой культурно-исторический потенциал, продемонстрировав не только величайшие успехи в образовании, науке и технике, но и негативные последствия, которые сегодня на слуху.

Существовали ли цивилизационные проекты в российской истории? Разумеется, существовали и, несомненно, их детальный философский анализ был бы исключительно важным в современных условиях с точки зрения развития русского национального самосознания. Однако такого рода аналитическая работа выходит за рамки данной статьи [5].

Наша ближайшая задача — рассмотреть лишь один аспект проблемы, а именно зависимость выработки тех или иных глобальных проектов в российской истории от культурных истоков этой цивилизации. Исследование проблемы показывает, что острая идейная борьба, которую мы наблюдаем в Отечестве на протяжении нескольких столетий, определяется глубинной противоречивостью и многогранностью культурных оснований нашей цивилизации. Так было в прошлом, так происходит и сегодня.

Исторически российская цивилизация в своей глубинной тектонической эволюции конституировалась из нескольких культурных плит, которые то сталкивались между собой, вызывая духовные землетрясения, то наползали друг на друга, вздыбливая культурную почву, то расходились, порождая пропасти. Русский мир постоянно жил в этом глобальном поле напряжения — духовного, экономического, геополитического. Можно указать на четыре культурные плиты, четыре истока [6] этого мира:

- язычество (автохтонная плита)
- евразийство (туранская плита)
- православие (византийская плита)
- западничество (западно-европейская плита)

Названные истоки конституируют то, что можно было бы назвать русским культурным геномом. Именно эти истоки служили основанием соответствующих цивилизационных проектов. Любопытно, как сформировался один из первых проектов. Все началось с того, что в 1453 г. под натиском турок-османов пал Константинополь, который всегда воспринимался как изначальный центр православия. Понятно, что это событие вызвало духовное смятение на Руси. Главная ось мировоззренческих координат потеряла свою твердую опору. В этих условиях в хронотопе русского культурного самосознания нужно было отыскать новую точку отсчета. Вся русская духовная мысль мучительно ищет выхода из этого глобального духовного повреждения. И надо было иметь поистине великую дерзновенность духа, чтобы написать: «Два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Сказал, как отрезал. На века. Это отрывок из письма старца псковского Спасо-Елиазарова монастыря Филофея великому князю Василию III.

Как видим, решение драматической проблемы приходит в голову простого инока, жившего “далеко от Москвы”, на псковщине, но связано оно было с мыслью о мессианской роли первопрестольной: Москва — третий Рим. Какой удивительный провидческий смысл в словах Филофея, в этой краткой формуле. Ведь с тех пор прошло 500 лет. А история Отечества в последующие времена так и выстроилась, именно так и пошла. И идет. И никто на пла-

нете в цивилизационном потенциале этого третьего Рима не сомневается, несмотря на все наши неудачи и поражения, потому что слишком свежо в памяти народов Земли, как наши предки гнали наполеоновскую орду до Парижа, а гитлеровскую — до Берлина.

Но в высказывании Филофея был не только поразительный провидческий смысл на 500 лет вперед. Псковский мудрец, может быть, сам того не подозревая, в нескольких словах мысленно схватил, выразил сердцевину русского архетипического сознания: Москва не только третий Рим в религиозном и геополитическом смысле слова, Москва — наше духовное солнце, наше сакральное сердце, ибо отнимите у россиян Москву — и Россия осиротеет, она потеряет историософский смысл своего бытия. И не случайно в лихолетье мы слышим слова героев 1812 года:

*«Ребята, не Москва ль за нами!»
Или слова героев 1941-го:
«Велика Россия, а отступить некуда, позади — Москва».*

Хотя проект Филофея исходил из религиозной идеи, он вовсе не сводился к церковному началу в узком смысле этого слова, ибо имел именно цивилизационный мироустроительный смысл. В своем послании великому князю Василию III старец писал: «Храни и внимай благочестивый царь тому, что все христианские царства сошлись в одно твое...»

Старец называет князя царем, ибо с точки зрения автора необходимо утвердить не только духовную преемственность двух столиц, но и преемственность власти московского великого князя и византийского императора.

Суть глобализационного проекта Филофея — воссоздание в пределах Русского мира православной Империи, основанной на общем для всех этносов, населяющих эту Землю, мировоззрении, на православных ценностях, которые не заменяют национальную принадлежность, а возводят её на более высокий уровень, делают её вероисповедной, а значит способной объединить и другие народы, как это было в Византии.

Если замысел Филофея был связан с византийской традицией внутри Русского мира, то реформаторская программа преобразования России Петра Великого была всецело европейской ориентации. С наступлением 18 века «Россия молодая» на всех порах устремилась к европейским ценностям, намереваясь освоить западный исторический опыт. Особенно привлекательным был проект Просвещения. Как известно, Большой цивилизационный проект Петра был блестяще претворен в жизнь, насколько это вообще было возможно в исторических условиях нашей страны того времени.

При всей противоречивости и даже трагизме петровских начинаний в целом они были восприняты в русском историческом и культурном самосознании как положительные.

В свое время П. Чаадаев в своих «Философических письмах» в историософском ключе подвел своеобразный итог развития России в русле петровских преобразований. Сравнивая Россию и Европу, автор приходит к неутешительным выводам. Размышления русского философа вызвали много споров, дав толчок к тому, чтобы задуматься о судьбах России как цивилизации, о её историческом предназначении. Обратившись к этим вопросам, русская интеллигенция распалась на

два лагеря — западников и славянофилов. Именно у последних впервые ясно зазвучал мотив особого духовного пути России как локальной цивилизации. На формировании этого умонастроения сказывались не только оценки противоречивых процессов «интеграции в Европу» Русского мира, но и все более ясное осознание того, что в самой Европе в ходе исторического развития обнаруживаются такие тенденции, которые в своей сути неприемлемы для русского духа. Борьба между сторонниками двух противоположных стратегий цивилизационного развития нашего отечества продолжалась вплоть до октябрьского переворота большевиков. Была ли славянофильская модель своеобразной версией проекта Филофея? В известной степени — да, но с учетом новых социокультурных реальностей второй половины XIX века. Русская религиозная философия в лице С. Булгакова, П. Флоренского, Н. Бердяева и др. продолжает эту духовную традицию уже в контексте XX столетия.

Что касается древнеславянского и евразийского проектов, то этот вопрос требует специального исследования. В условиях современного развития Русского мира эти проекты не потеряли своей злободневности. Однако спросим себя, какой из четырех цивилизационных проектов на сегодняшний день является предпочтительным? Специфика Российской цивилизации заключается в том, что для её полноценного исторического развития необходима гармоничная реализация всех духовных ресурсов. А значит, что должны мирно сосуществовать и дополнять друг друга в процессе своего практического воплощения все четыре проекта. Любая попытка абсолютизировать какой-либо один из проектов, например, в

западнический, неизбежно будет вызывать раскол в обществе.

Здесь может возникнуть вопрос: а как же в свете сказанного следует толковать социалистический проект, который был реализован в нашей стране и просуществовал в течение более семидесяти лет? Как вообще он оказался возможным, и как он сочетается и соотносится с другими мироустроительными программами в нашей истории? Вопрос этот представляет безусловный интерес не только с культурно — исторической точки зрения, но и в контексте тех тенденций, которые имеют место в современной России. И он, несомненно, заслуживает специального анализа, что, однако, выходит за рамки нашего разговора. Но все же коротко можем заметить следующее.

Социалистический план переустройства России весьма своеобразно сочетался с указанными выше исконно российскими проектами. В самом деле, с одной стороны, он как бы шел навстречу нашим западникам, ибо был продуктом типично западной социально-философской мысли, и отечественные революционеры взяли его на вооружение не откуда-то с потолка, а именно с Запада. (Вместе с тем он позволял со всей страстью и остротой критиковать реально существующую западную цивилизацию за её «буржуазный и загнивающий» характер) С другой стороны, этот проект удачно впитал в себя архетипические для русской ментальности идеи социальной справедливости, коллективизма и общинности. Он нашел также достаточно эффективное решение «национального вопроса», т. е. «туранской составляющей» русской цивилизации в контексте её евразийского вектора. Даже византизм и православие, больше

всего пострадавшие в ходе большевистского эксперимента, и то частично были реабилитированы в послевоенные годы.

Поэтому можно сказать, что план построения социализма был первым в нашей истории интегральным вариантом мироустройства отечества. И если бы в критический момент (в «точке бифуркации») у руля государства стояли не политически малограмотные фигуры типа Горбачева и Ельцина, а такие мудрые лидеры, как Дэн Сяо — Пин, разваливать великую страну, которую в тяжелой борьбе тысячу лет создавали наши предки, и не потребовалось бы. Мы видим, что разрушительный псевдо-либеральный проект с его криминальным оскалом принес нашим народам куда больше бед, чем социалистический. Но русский мир выстоял, а значит может вновь задуматься о национальной идее, о своем будущем социальном и духовном самоопределении.

Размышляя о том, «как нам обустроить Россию», от Запада следует взять идею просвещения, опыт рыночного хозяйствования и демократического устройства, а также высокие технологии; от наших исконных истоков надо взять принцип социальной справедливости, коллективизма и любви к отечеству, а также верность традиции как носительнице нравственных смыслов и норм (и не только на словах, не только в грезах, а так, чтобы они воцарились в каждом городе, в каждом селе и в каждом доме); от православия сохраним великий свет духовности (ибо только тот поистине жив и по-настоящему живет, чья душа озарена и пронизана Божьим светом); от туранского корня надо взять опыт дружбы народов, умение вести межнациональный и межконфессио-

нальный диалог. Русский мир всегда был силен своим духовным содержанием, ибо стоял и стоит на почве правды, справедливости и гармонии. Как только мы нарушаем соразмерность составляющих его элементов, мы порождаем череду губительных цивилизационных конфликтов.

11 июня 2015 г. по одному из центральных телеканалов был показан любопытный репортаж. Некий журналист в США решил провести социологический эксперимент. Он вышел на улицу одного из городов Америки с листком в руках и стал спрашивать прохожих, готовы ли они подписаться под обращением граждан к американскому президенту. Суть обращения — нанести превентивный ядерный удар по России. На экране мелькали лица опрошенных — пожилые и молодые, мужчины и женщины. Результат этого своеобразного опроса шокирует любого здравомыслящего человека: большинство американцев с радостью ставили свою подпись под этим «обращением». По-видимому, для «чистоты эксперимента» наш журналист провел аналогичный опрос в России: а что если наша страна осуществит превентивный удар по Америке? Отдыхающие на пляже в Алуште, несмотря на то, что их разморило крымское солнце и, казалось бы, им было не до политики, в своем большинстве были категорически против. В этих двух эпизодах отразилась некая глубинная черта всей современной цивилизации, позволяющая сделать определенные выводы социокультурного порядка.

- На планете существуют цивилизации, принципиально по-разному понимающие ценностный смысл современной истории.

- Американцы в своей массе есть типичный продукт манипулиро-

вания сознанием, продукт примитивной и циничной в своей основе «пропаганды» (слово, которое так не любит Обама, объявляя «пропагандой» все, что идет от российских СМИ). У этих людей практически отсутствует способность к рефлексии, к критическому осмыслению проходящих в мире событий. Они наивны, но это та простота, которая «хуже воровства».

- Все, что выходит за пределы США, мало интересует американцев. Другие люди, страны, континенты, культуры для них, по большому счету, не существуют. Все это только «материал» исторического процесса. Они не задумываясь (а то и с радостью) готовы, если надо, пожертвовать любой страной, культурой, живыми людьми. Их ценностное сознание американцентрично, примитивно, односторонне и даже агрессивно. Для них не существует понятия общечеловеческие ценности — всепланетарный гуманизм, универсальная свобода, объективная истина. Они живут по принципу войны — «свой-чужой». Их невежество в области географии, когда не только простые люди, но ответственные государственные чиновники путают элементарные понятия, названия стран, их местоположение на планете, удручает (я уже не говорю про Псаки с её дремучим невежеством). Но это невежество имеет глубокие ценностные основания в менталитете этих людей.

- Американцы не только с легкостью готовы жертвовать другими народами, но они даже не отдают себе отчет в том, что, например, ядерный удар, каким-бы он не был внезапным и вероломным, при современном состоянии оборонных технологий, неминуемо приводит к

ответному удару, а значит к ядерной войне. А это, естественно, означает гибель всей современной цивилизации, включая и саму Америку. Сию трагическую диалектику современной ядерной войны у нас знает не только каждый взрослый, но и, надеюсь, каждый старшеклассник. Американцы не знают и знать не хотят даже того, что касается их собственной безопасности, если это знание предполагает необходимость оценки ситуации с позиций общечеловеческих ценностей. Идея, что мы все на Земле стоим в одной лодке и что, раскачивая ее, мы можем все пойти ко дну — это идея недоступна американскому уму.

- Принято считать, что есть «плохие правящие элиты, правительства, но нет плохих народов». «Гитлеры приходят и уходят, а народ остается». Но любой народ — это не некая неизменная метафизическая сущность. У него есть своя история, судьба, опыт, менталитет. А если добавить сюда изощренные методы оболванивания, то мы можем получить печальную картину уровня «массового сознания». Америка — пример тому.

- Если для западного «массового сознания» характерно западнотрилистское видение реальности, одностороннее и предвзятое толкование тех или иных процессов, происходящих в мире, то для российской ментальности по-прежнему характерно универсальное мышление, широта видения истории, «всемирная отзывчивость», сострадание к другим людям и народам.

- Мировая цивилизация за тысячи лет своего существования выработала определенную совокупность общечеловеческих норм, ценностей, смыслов и принципов существования народов, государств, культур-

ных регионов, локальных цивилизаций. Особо важный вклад в это дело внесла Западная Европа за последние триста лет. Идеи прогресса, гуманизма, свободы, братства, равенства, толерантности, самооценности личности и др. вошли в нашу жизнь как установки любого образованного человека.

Однако, в последние десятилетия многие из гуманистических принципов человеческого общежития сплошь и рядом попираются в реальной практике западных государств. Тотальная слежка, прослушивание телефонов со стороны спецслужб США политических деятелей, включая президентов разных стран, а также слежка практически за каждым гражданином мира, насильственное свержение неугодных Западу законных властей тех или иных стран, насильственное насаждение якобы демократических режимов, организация «цветных революций», бомбежка мирного населения — все это вошло в повседневную практику ведущих западных стран. Сегодня мы можем говорить о вызревании нового глобального тоталитаризма в странах атлантической оси — Западная Европа — США. Не менее опасна и другая глобальная сила современности — религиозный экстремизм типа ИГИЛ.

В противоположность этим тенденциям Россия (ранее СССР) предложила новые стратегии цивилизационного развития в эпоху глобализации — мир без войн, добрососедство, партнерство во всех областях человеческой жизнедеятельности, всеобщее разоружение, упразднение военных блоков, исключение войны из практики отношений между народами и регионами. Россия, в лице СССР, не

только выдвинула эти стратегемы, но на практике продемонстрировала новый подход, добровольно и без всяких условий пошла на объединение Германии, распустила военный союз стран Варшавского договора, подписала соглашение об ограничении ядерных вооружений и т. д. В ответ Запад вероломно расширил свое присутствие на европейском континенте с помощью военной машины НАТО.

«Русский мир» — это идея, которая связана с размышлениями о будущем человечества. Какие силы определяют это будущее и станут доминировать в дальнейшем? Очевидным является значимость исламского фактора в его наиболее ортодоксальном и агрессивном варианте (кстати, мы должны понимать, что эта пугающая агрессивность есть преимущественно реакция на враждебность окружающего западного мира и, отнюдь, не вытекает из сущности идеологии традиционного ислама).

Второй фактор — американская теократическая цивилизация, мощь, которая была заложена в период Второй мировой войны и возматрала в связи с целым рядом благоприятных, преимущественно внешних социальных обстоятельств.

Третий — европейская либеральная, постмодернистская модель, тяготеющая к абсолютизации свободы индивида и постепенно очеркивающая все выражающие идею ответственности человека перед обществом правила и запреты, выработанные за двухтысячелетнее развитие этой цивилизации.

Характерной чертой указанных выше глобальных сил является утверждение исключительной правоты своей точки зрения и нетерпимость к инакомыслию. Парадоксально, но

это относится и к Европе с её реактивизмом, потому что фанатизм в этом направлении тоже приводит к отрицанию даже возможности иной точки зрения — вплоть до отрицания любой религии. Можно сказать, что главное утверждение Запада в конечном счете — отрицание. Но может ли из него вырасти позитивная программа?

Таким образом, приходится признать, что главные общечеловеческие ценности, обеспечившие прогресс человечества, — гуманизм, уважение к любой человеческой личности, ценность жизни во всех её проявлениях, право на альтернативную точку зрения, нетерпимость к насилию и т. д. — даже не декларируются этими основными силами. (В прошлом, безусловно, западные страны тоже не всегда соблюдали их, но хотя бы публично заявляли о готовности их соблюдать).

Кто же поднимет ставшее таким истонченным, хрупким знамя универсальных ценностей и общечеловеческого прогресса? Надо сказать, что ведущие европейские страны, точнее, выдающиеся мыслители, художники, религиозные деятели этих стран шлифовали их на протяжении столетий. Их приходилось отстаивать и в многолетних войнах, и в столкновениях одиночек с невежественной толпой, и упорным подвигом творчества. И влияние нового гуманистического, общечеловеческого, витального ориентированного мышления сказывалось потом на жизни всего мира. Культура России 17-19 веках, безусловно, тоже испытала их влияние. И вместе с тем, своеобразная история России, общинный менталитет русских, их глубинная религиозность и патриотизм сформировали такую идеологическую и эмоцио-

нальную целостность, которая, видимо, приобретает особое значение в сложных современных исторических условиях.

Россия как государство, как экономическое, политическое образование развивается очень сложно, противоречиво и порой драматично. Но то, что обычно называют «русским духом», «русским менталитетом», «русской культурой», «национальным самосознанием» парадоксальным образом чаще всего лишь укрепляется, гармонизируется и становится значительнее в сложных исторических перипетиях.

Таким образом, русский мир — это система духовных установок, характеризующихся общечеловеческими, объединяющими всех людей ценностями, толерантностью, верой в будущее, оптимизмом и активностью в реализации прогрессивных общих целей. Какие же духовные скрепы поддерживают и объединяют этот мир? Назовем некоторые из них:

а) ментальные особенности нашей тысячелетней истории, где главные — стремление к объединению, терпимость, уважение к другим народам; восприимчивость к ценностям и установкам других культур;

б) культура, в частности, литература, музыка, живопись, несущие заряд нравственного очищения;

в) способность русского человека к состраданию, с легкостью отдавать другому последнюю рубаху, т. е. отсутствие эгоцентризма и расчетливости. Русский мир — это социальная сила, на которую можно опереться в построении нравственно гармоничного космического будущего человечества;

г) всеохватность, всемирная отзывчивость русской души.

Но для того, чтобы Русский мир смог стать основой социальной глобальной силы (по существу, выполнить функцию Третьего Рима), нужно провести серьезную работу. Следует подчеркнуть: эту грандиозную функцию Российская цивилизация должна и может выполнить — иначе мир истощит себя в глобальных и локальных войнах, а предварительная работа хотя и грандиозна, но вполне выполнима. Первая задача — воспитание молодежи, патриотизма, уважения к своей истории, знания классической русской литературы.

Принято считать, что есть «плохие правящие элиты, правительства, но нет плохих народов. «Гитлеры приходят и уходят, а народ остается». Но любой народ — это не некая неизменная метафизическая сущность. У него есть своя история, своя судьба, опыт, менталитет. А если добавить сюда и изощренные методы оболванивания, то мы можем получить печальную картину уровня «массового сознания». Америка — пример тому.

Если для западного «массового сознания» характерно западно-центристское видение реальности, одностороннее и предвзятое толкование тех или иных процессов, происходящих в мире, то для российской ментальности по-прежнему характерно универсальное мышление, широта видения истории, «всемирная отзывчивость», сострадание к другим людям и народам

Очевидно, что речь идет не о народах в целом, а о доминирующей тенденции, о господствующих умонастроениях, при этом всегда могут быть другие тенденции и мотивы поведения.

Подводя итог сказанному, можно кратко сформулировать задачи основанного на общечеловеческих ценностях ноосферно-интегрального проекта как альтернативной модели современного цивилизационного развития. Укажем на важнейшие из них:

— сформулировать и принять на уровне ООН систему основных универсальных постулатов и норм мировой цивилизации;

— вернуть душу, духовную составляющую науке, образованию, морали, искусству, праву, другим формам общественного сознания;

— интегрировать исторически существовавшие типы духовности в одно органическое целое, сформировав тем самым новый, отвечающий реалиям современной эпохи *ноосферно-интегральный тип духовности*, в котором ключевые модусы объединяются в новом качестве;

— с помощью существующих областей духовного производства и средств массовой информации выстроить гибкую и эффективную систему очеловечивания человека в рамках современной цивилизации, трансформировать человека потребляющего в человека духовного;

— создать экономические и правовые условия для становления подлинного гражданского общества, в котором права и свободы человека диалектически сочетаются с его ответственностью перед собой и обществом;

— признать уникальность и самоценность любой существовавшей ранее и существующей сегодня культуры. её охрана является абсолютным требованием международного права.

-
1. Августинович В. Г. Разгадка русской истории. Битва за прошлое / В. Г. Августинович. — М. : Эксмо, 2010. — 384 с.
 2. Зенковский В. В. История русской философии / В. В. Зенковский. — М. : Астрель, Ростов н/Д. : Феникс, 1999. — Т. 1. — 542 с.
 3. Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия» / С. Г. Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2010. — 320 с.
 4. Ключевский В. О. Русская история / В. О. Ключевский. — М. : АСТ, Харвест, 2006. — 1779 с.
 5. Лазарев Ф. В. Культурнообразующие начала Русского мира / Ф. В. Лазарев // Берега Тавриды. — 2006. — № 4. — С. 265–268.
 6. Лазарев Ф. В. Славянское древо. Книга судеб / Ф. В. Лазарев. — Симферополь: Таврида, 2003. — 247 с.
 7. Медведев В. С. Национальная идея или Чего ожидает Бог от России / В. С. Медведев, В. Е. Хомяков, В. М. Белокур. — М. : Современ. тетради, 2004. — 416 с.
 8. Муза Д. Е. Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность / Д. Е. Муза. — Донецк : Вебер, 2009. — 476 с.
 9. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире / А. Панарин. — М. : Алгоритм, 2003. — 194 с.
 10. Смолин М. Имперское возрождение / М. Смолин. — М. : ФИВ, 2006. — 312 с.

The phenomenon of the Russian civilization is analyzed in the socio-cultural context in the article. This civilization has four cultural sources — Byzantinism (Orthodoxy), paganism (an autochthonic element), Westernism (the European element), Eurasianism (the Turonian element). Therefore four civilization projects are essential in the Russian history.

Key words: Russian world; civilization; civilizational project; Byzantinism; paganism; Eurasianism; Westernism.

УДК 008:001.8

В. В. Буряк

К вопросу о методологической базе культурологических исследований

Статья основана на анализе методологических подходов, используемых в исследованиях относительно вопросов конструирования ландшафтов современной культуры. При этом культурная событийность является специфическим объектом, который перманентно изменяется. Наряду с многомерными глобальными трансформациями, изменяются паттерны восприятия культурных событий. Корректное использование методологий измерения и объяснения комплексных исторических, социокультурных процессов важно для получения объективных знаний относительно явлений, которые мы называем «культурой». Специалисты в области культурных исследований (cultural studies) стремятся, в конечном счёте, к результату, который позволит оптимизировать эффективные методы для изучения культурного бытия человечества.

Ключевые слова: культура; современная культура; методология; ценности; культурный ландшафт.

Глобализированное социокультурное пространство представляет собой комплексную устойчивую сеть обмена ценностями, коммуникативными актами, образовательно-воспитательными практиками. В фокусе аксиологического континуума смыслов и ценностей всегда находится культура. При интеграции локальных культур в глобальное культурное пространство конечные результаты зависят не только от генерации ценностей в рамках традиционных национальных культурных проектов, но также от рецепции индивидуумами инновационных

тенденций, присущих динамичным технологически, масс-медийно обеспеченным глобализированным трендам.

Комплексные, подчас турбулентные, процессы в социокультурном континууме требуют приложения специфических методологий. *Актуальность* исследования заключается в анализе методологических подходов, используемых при изучении вопросов, связанных с особенностями так называемых гибких ландшафтов современной культуры. Социокультурная событийность — это, по сути,

перманентно изменяющийся феномен, объект исследования. Цель автора заключается в поиске адекватного применения методологий описания, измерения и объяснения комплексных социетальных процессов. Это необходимо для получения релевантных знаний относительно сложных явлений, которые мы называем «культурой». Основная проблема работы состоит в преодолении классической методологической ограниченности в области изучения современных культурных ландшафтов. Новизна исследования заключается в экспонировании современных междисциплинарных подходов по отношению к пониманию механизмов динамики культуры в глобализирующемся мире. Одним из драйверов культурной динамики этого мира является диалектическое взаимодействие вертикального и горизонтального трансферов социокультурных практик [1, с. 10-12].

Парадигма междисциплинарности исследований комплексных объектов обязывает участников интегрировать специализированные методологические правила и процедуры изучения изучаемых феноменов. Это, очевидно, не всегда завершается эпистемологическим дисциплинарным консенсусом. Существуют междисциплинарные интеллектуальные практики (*interdisciplinary studies*), реализуемые в общенаучном академическом поле, и, наряду с ними, рефлексивные исследования специфики междисциплинарности (*studies of interdisciplinarity*). В любом случае, междисциплинарные исследования предполагают последующую конвергенцию различающихся методологических подходов. Наиболее значительную роль в формирова-

нии современной комплексной парадигмы методологии научных исследований сыграл период Нового времени, когда появились первые научные школы, научные программы и направления [2].

Анализ современных культурологических исследований показывает актуальность разработки новых методологических подходов для понимания структуры ландшафтов современной культуры. Поскольку культура является специфическим объектом, то паттерны восприятия социокультурных событий имеют значение для корректного объяснения многомерных культурных процессов. Всё, что мы называем «культурой», имеет комплексное строение и при этом находится в состоянии перманентной динамической трансформации [1, с. 349-350]. В ходе исторического развития человечества постоянно трансформируются ценности, предпочтения, стили, смыслы и паттерны восприятия социокультурных событий. Локальные и глобальные культурно-исторические явления имеют свою специфику. Поэтому методологии для описания, измерения и объяснения многомерных культурных процессов весьма важны при получении объективных знаний относительно явлений, которые мы называем «культурой».

Ускорение глобального трансфера политических, технологических, социальных и культурных потоков имеет не только позитивные, но также и негативные эффекты. Обнаруживаются кризисные симптомы в идеологии, экономике, международной политике, экологии и, конечно же, растёт число культурных рисков [13, с. 113-115]; [14, с. 131-132]. Глобализация, в конечном счёте, несёт угрозу национальным, этническим

культурным идентичностям. Статичная модель культуры сегодня нерелевантна реальному положению дел в глобализирующемся социуме, с характерным ускорением потоков образов, символов, ритуалов, ценностей и коммуникативных практик. Горизонтальный трансфер культурных практик обеспечивает планетарную динамику на всех уровнях человеческого бытия в современном мире [1]. Основной негативный эффект социокультурной глобализации — гомогенизация культурной составляющей. Наиболее очевидный симптом — так называемая «макдональдизация» культуры. Это явление последовательно и системно проработано в исследованиях Д. Ритцера [9]; [10]; [11]; [12]. В результате ускорения массивированной интервенции паттернов массовой денационализированной культуры, в условиях развитого информационного общества происходит гомогенизация локальных культур. Национальные культурные традиции нуждаются в сохранении своей идентичности и реального этнокультурного разнообразия.

Не удивительно, что специалисты в области культурных исследований (*cultural studies*) стремятся разработать эффективные методы для изучения динамики социокультурного бытия современного человечества [4]; [6]. Как разворачиваются конкретные методологии исследования культурных событий? Аутентичные методологии, относительно понимания специфики данной культуры (*indigenous methodologies*), вырабатываются в ходе изучения производства локализованных племенных знаний и ценностей. В то же время, методы западных культурологических подходов остаются в большей степени сциентизированными и

унифицированными. Исследования в области ландшафтов современной культуры всё более смещаются в область изучения медиасферы [5]. Благодаря планетарной инфосфере индивидуумы и социокультурные территории оказываются взаимосвязаны и взаимозависимы. Поэтому анализ социальных и культурных практик происходит в контексте глобального масс-медийного пространства.

После многочисленных открытий в области культурной антропологии и продвинутых исследований в сфере *cultural studies* во второй половине двадцатого века методологическая ситуация, характерная для культурологии в широком смысле, начала неуклонно изменяться. Методологические противоречия между автохтонными способами понимания локальных культур и методологиями, выработанными в глобализированной западной академической среде, рассматривает Маргарет Ковач [3]. Сохранение методологического баланса между сугубо теоретическими и эмпирическими исследованиями в области культурологии — «вечная» комплексная задача, что с очевидностью проявляется в области культурной антропологии. Критическая рецепция этнографического и культурологического материала позволяет использовать достижения наук о культуре в обширной сфере социо-гуманитарного знания. Таким образом, преодолеваются академические междисциплинарные барьеры [7]; [8].

Проблема выделения объекта исследования в области культурологии заключается в проведении методологических демаркационных границ между социальными и культурными практиками. Такой «водо-

раздел» может быть обозначен благодаря спецификации предметов культурной сферы и предметов социальной сферы. Подобные разграничения нуждаются в определении экспертной компетенции культурологов, искусствоведов, историков культуры и философов. Представляется, что это направление развёртывания методологических компетенций зависит от консолидированной позиции специалистов, чей приоритетный объект — культура как комплексный феномен.

Вывод. Современное планетарное социокультурное пространство представляет собой комплексный феномен. Это результат функционирования глобализированной сети обмена ценностями. Культура всегда находится в фокусе континуума смыслов. Интеграция локальных

культур в планетарное культурное пространство — сложнейший процесс. Конечные результаты культурологической рефлексии зависят не только от способа производства смыслов и ценностей в рамках конкретных культурных проектов, но также от инновационных потоков, присущих масс-медийно фундированным глобализированным тенденциям. Наличие комплексных противоречивых процессов в современном глобализированном мире предполагают применение специфицированных методологий для понимания существенных механизмов конструирования технологически расширенной коммуникации. Наиболее значимой парадигмой развития нынешней цивилизации являются продвинутое междисциплинарные исследования социокультурных феноменов.

1. Буряк В. В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: монография / В. В. Буряк. — Симферополь: ДИАИПИ, 2011. — 462 с.

2. Lindberg, David C. *The Beginnings of Western Science: The European Scientific Tradition in Philosophical, Religious, and Institutional Context, Prehistory to A. D. 1450* / David C. Lindberg. — Chicago: University Of Chicago Press, 2008. — 480 p.

3. Kovach, Margaret Elizabeth. *Indigenous Methodologies : Characteristics, Conversations, and Contexts* / M. E. Kovach. — Toronto: University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 2010. — 216 p.

4. Pickering, Michael (Ed.). *Research Methods in Cultural Studies (Research Methods for the Arts and the Humanities)* / M. Pickering, (Ed.). — Edinburgh, Scotland, UK: Edinburgh University Press, 2008. — 256 p.

5. Durham, Meenakshi Gigi (Ed.), Kellner, Douglas M. (Ed.) *Media and Cultural Studies: Keywords* / M. G. Durham, (Ed.), D. M. Kellner (Ed.). —

Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2012. — 648 p.

6. White, Mimi (Ed.), Schwoch, J. (Ed.) *Questions of Method in Cultural Studies* / M. White, (Ed.), J. Schwoch, (Ed.). — Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2006. — 336 p.

7. Trochim, William; Donnelly, James P. *The Research Methods Knowledge Base* / W. Trochim, J. P. Donnelly. — Mason, Ohio: Atomic Dog, 2006. — 361 p.

8. Kothari, C. R. *Research Methodology: Methods and Techniques* / R. C. Kothari. — New Delhi, India: New Age International Ltd. Publishers, 2013. — 418 p.

9. Ritzer, G. *The McDonaldization Thesis: Explorations and Extensions* / George Ritzer. — London: Sage Publications Ltd, 1997. — 224 p.

10. Ritzer George. *The McDonaldization of Society*. — Thousand Oaks, California: Pine Forge Press, 2007. — 320 p.

11. Ritzer, G. *The McDonaldization of Society 6* / George Ritzer. — Thousand Oaks, California: Pine Forge Press, 2010. — 328 p.

12. Ritzer, G. *The McDonaldization of Society: 20th Anniversary Edi-*

tion. — London: SAGE Publications, Inc, 2012. — 312 p.

13. Steger M. B. Globalization: A Very Short Introduction / Martin Steger. — Oxford. : Oxford University Press, 2003. — 168 p.

14. Steger, M. B. Globalisms: The Great Ideological Struggle of the Twenty-first Century. — Lanham, Maryland. : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2008. — 236 p.

The paper is based on the analysis of the methodological approaches used in the researches concerning questions of designing of landscapes of modern culture. The cultural events are specific object which permanently changes. Along with multidimensional global transformations, patterns of perception of cultural events change. The correct use of methodologies of measurement and explanation of complex historical, sociocultural processes is important for receiving objective knowledge concerning the phenomena which we call «culture». The experts in the field of cultural researches strive for result which will allow optimizing effective methods for studying of cultural life of mankind.

Key words: culture; modern culture; methodology and values; cultural landscape.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК [130.2+004.5]: 008.2

Д. Е. Муза, Е. Б. Ильянович

НОМО МАТРИХ: К РЕВИЗИИ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОСТИ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

*В статье рассмотрена проблема субъектности культуры информационного общества, возникшая вследствие трансформаций функционально-предметной онто-структуры общества индустриального типа и его замены стохастикой информационных процессов, как фундирующих новые социальность и культуру. Согласно гипотезе авторов, информационный *modus vivendi* создает узкий коридор антропологических возможностей, в т. ч. за счет неадекватных процедур культурного кодирования, но открывает широкий коридор антропологических мутаций.*

Ключевые слова: культура информационного общества; субъект культуры; коды культуры информационного общества.

Тенденции развития информационного общества, как в глобальном измерении, так и в его российском сегменте, с неумолимостью ставят проблему субъектности культурогенеза, которая пока отрефлексирована и оценена, главным образом, в крайних формах: либо как исключительно продуктивная (ибо именно «креативному классу» приписаны культур- и социо-созидательные функции), либо как деструктивная (поскольку *neto*-кратия игнорирует функцию демократизации социальных процессов и редуцирует культуру к модусу потребления, к

несобственному бытию). Следовательно, горизонты и формы разветвления культуры поставлены в зависимость от актуального состояния субъекта, равно как и тех ценностных и праксеологических установок, которые атрибутивны его бытию. Но последние все чаще замыкаются на «вечное настоящее» (Ж. Бодрийяр), обслуживая размещенные в его интерьере и пульсирующие интересы и потребности.

Чтобы проиллюстрировать важность обсуждаемой проблемы, укажем, что в отечественной (А. Буровский, В. Буряк, Д. Ива-

нов, П. Киричек, В. Кутырев, Б. Г. Почепцов, Л. Скворцов, В. Шаповалов и др.) и зарубежной (Дж. П. Барлоу, Ж. Бодрийяр, Дж. Зерзан, М. Кастельс, Г. Кардозо, Дж. Ланир, Р. Флорида, М. Хорост, Т. Х. Эриксен и др.) литературе ей уже уделено определенное внимание. В частности, под такими углами зрения как: полнота практик человека из галактики Internet; условная эффективность серф-технологий при обработке огромных массивов информации; конвертирования информации в социально значимые решения; целостности и вмещаемости самого субъекта.

Наш ракурс исследования, уже имеющий определённую квоту [1], определяется намерением показать положение субъекта информационной культуры и социальности с учетом не столько распредмечивающе-опредмечивающих практик (предметности материального плана культуры), сколько с процедурами раскодирования-и-кодирования (предметности имматериального плана культуры). Причем, в рассмотрении мы намеренно вводим понятие homo Matrix, дабы сделать ударение на искусственности всей этой субъектности, а значит ходюльности культуры информационного общества.

Но этот посыл лишь отчасти когерентен художественному обобщению братьев Вачовски и его последующей рефлексии западными интеллектуалами [2]. Хотя, нужно признать, они предъявили целый ряд важных аргументов. В частности, любопытны такие характеристики матрицы и её обитателей: 1) «матрица» не может быть определена или объяснена (диалог Морфеуса и Нео); 2) жизнь в «матрице», если верить Сайферу, — это жизнь

ради удовольствия, или гедонизм, в противовес борьбе и невзгодам в реальном мире; 3) само удовольствие есть ничто иное, как электронная симуляция, иллюзия реальных действий и событий; 4) население матрицы — это люди и «разумные программы», при том, что люди — это вирусы, недостойные жизни (агент Смит), а её настоящие обитатели — это «мозги в банке», к которым с определённой периодичностью поступают электрические импульсы.

Тем не менее, попробуем подойти к проблеме с другой, а именно, культурологической стороны. В качестве методологической преамбулы для дальнейших рассуждений напрашивается следующее соображение: «Несмотря на её очевидные дефекты, идея «информационного общества» остаётся популярной потому, что она — современная утопия, заменившая собой традиционные прожекты лучшего общества. Новая утопия повторяет общую схему либеральной идеи «открытого общества»: от дымного, смрадного, конфликтного индустриального — к светлому, чистому, гуманному» [3, с. 85]. Но эта мечта о принципиально новом информационном социо- и антропогенезе на наших глазах превратилась в тотальную симуляцию почти всего. Здесь имеется в виду радикальная постановка вопроса, осуществленная Ж. Бодрийяром.

Свой общий вывод — мы живем в мире, в котором всё больше информации и всё меньше смысла, — он сделал на основе анализа трех гипотез о функциональной роли информации: 1) *информация производит смысл*, хотя ей не всегда удаётся компенсировать случайную потерю значения во всех сферах; 2) *информация не имеет ничего общего со*

значением, поскольку представляет собой сугубо инструментальную вещь (технический медиум); 3) *информация разрушает или нейтрализует смысл и значение* (средства массовой информации) [4, с. 117 — 118] (курсив наш. — Д. М., Е. И.)

Тем не менее, этот посыл нуждается в разъяснении с позиции теории языков и кодов культуры.

Мы полагаем, что разворачивающаяся информационная революция генерирует новый мета-язык культуры, имеющий, в свою очередь, специальные системы кодирования. Но, поскольку система развивается без какой-либо общей логики, коды современной культуры не обеспечивают процесс полноценного преобразования значений (несомых информационными потоками) в смыслы. Это может быть объяснено тенденцией отбрасывания метанарративов, связывающих информационные сообщения в единый гипер-текст. Разумеется, за счёт всеохватной и дальнедействующей силы аксиоматических мифо-образов, в т. ч. получивших инобытие в рациональных конструкциях модерна. Результат — отказ от древовидно-иерархической структуры, лежащей в основе прежних теории и практики и замена её «тысячей плато» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «садом расходящихся тропок» (Х. Л. Борхес) или «лабиринтом» (У. Эко).

В этой ризоматической конструкции иные принципы соединения, нежели в древовидных структурах модерна: «любая точка ризомы может — и должна быть — присоединена к любой другой точке» [5, с. 12]. Последнее означает, что она а-центрирована, не иерархична, и кроме того, она — незначающая система без генеалогии (=памяти).

Ризома складывается из плато, или непрерывных, самих по себе вибрирующих «регионов интенсивности», которые не предполагают «точек кульминации» или «внешней конечной цели» [там же, с. 38]. Причем, «плато» множатся, рост ризомы (поскольку он совершается во всех направлениях одновременно) едва ли контролируется индивидуальным сознанием, делая массовое сознание весьма проблематичным.

В качестве наблюдения напрашивается предварительный вывод: мир в культуре постмодерна представляет собой некоторый *mix* из желаний, пустых (ничего не означающих) знаков — симулякров, намёков, отдельных рациональных формул, семантических шумов, бреда сумасшедшего, экскрементов, гламура, подчёркнутой неформленности и незавершенности. Но самое важное, что ризома соткана из конъюнкций: «и... и... и.... (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), а значит, синтеза на уровне индивидуального и общественного сознания ожидать не приходится. Но и человек, пребывающий в ситуации «между.... (вещей, смыслов и т. д.), утрачивает свою субъектность.

Естественно, что в этой ситуации проникновение на смысловой уровень культуры — без создания соответствующего кода культуры и генерируемых ею текстов — оказывается невозможным. В частности, без расширенного воспроизводства «универсально-понятийного типа кодирования» (М. К. Петров), а значит воссоздания субъектности в её универсальной культуросозидающей ипостаси. По большому счёту, речь идёт о забвении пентеконтеры, догмата Троицы, тривия и квадривия как основных сюжетов культурного и социального кодирования

[6, с. 145 — 320] и создании новых весьма иллюзорных проектов.

Так, скажем, сегодня разрабатывается и затребована концепция культурного воспроизводства человека «эры Водолея», в рамках которой доказываемся, что из «инсайтирующих проблесков психоэнергии... психосфера развилась во вполне ощутимый мегакоммуникационный общепланетарный социальный институт». Его бытие, как и бытие человеческих индивидуальностей, описывается при помощи «копирайтизации» всех актуальных опытов (!) Правда остается неопределенным вопрос о генезисе и развитии homo aquarius, хотя анонсирована «аквариальная психонавтика» как комплекс подготовительных и развивающих программ, нацеленных на «психоделические опыты освоения ресурсов бессознательного» [7, с. 409 — 421].

Отходя от этой экзотики, следует сказать о подходе Р. Флориды, развивающего идею «креативного класса», базой которого является экономика. Между тем, в него входят «великое множество работников интеллектуального труда, символических аналитиков, а также лиц свободных профессий и технических специалистов, но принципом объединения служит их реальная роль в экономике» [8, с. 85]. Производство же новых форм и моделей отливается в «разработку новых видов продукции для массового производства, продажи и потребления; изобретение теорем и стратегий универсального значения; создание выдающихся музыкальных произведений» [там же, с. 86]. Однако сам эффект «новой мышеловки» обеспечен индивидуальностью, меритократичностью, разнообразием и открытостью. Не много — не мало, но эти потуги

homo creator-а маркированы «Большим морфом», и якобы разрешают многовековое противостояние между протестантской трудовой этикой и богемной этикой, аскетизмом и гедонизмом [там же, с. 215 и сл.].

Но самое интересное — это решение, которое предлагает Р. Флорида: инженеры-электрики изобрели коды (тайный язык), при помощи которых можно было сделать практически всё: начать бизнес, заниматься искусством, играть в игры [там же, с. 235 и сл.]. Тем самым «мышеловка» превращается в универсальный код, отрывающий недюжинные культурогенетические перспективы.

На самом деле, на что нам уже приходилось обращать внимание [9], ситуация с субъектом культуры обстоит куда более драматично. Имеется в виду описанное А. Бардом и Я. Зодерквистом нетократическое общество, культивирующее мобилизм с его «воздухом свободы». Его европейская география — суть пояс городов от Лондона на северо-западе и до Милана на юго-востоке, отдаленно напоминающий Ганзейский союз.

Тем не менее, в информационном обществе, как считают эти теоретики, наиболее важным «мемом» будет «портал власти» или связующее звено всеобъемлющей сети. Вокруг него, собственно, и формируется Нетократия, как подлинный субъект политики и культуры [10, с. 58]. Причём, формируется чтобы: а) принимать политические решения не «посредством выборов, не в парламенте, не даже через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей в закрытых клубах» [там же, с. 85]; б) создавать культурную среду и поддерживать её механизмы в виде обеспечения «консьюмтариата» контролируе-

мым набором услуг согласно простой схеме: «реклама + потребитель = желание» [10, с. 147].

Но спрашивается, если Нетократы — суть главные держатели кодов культуры, ответственные за фундирование и закрепление социально-значимых видов деятельности, в т. ч. социализацию индивида и инкультурацию им необходимых знаний и ценностей, каков же главный критерий отбора? Ответ достаточно прост: «Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, то есть способность адсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и ценной информации» [там же, с. 124]. Тем самым, перед нами не только секретность, но и эксклюзивность новой власти, к тому же формирующейся по иерархическому принципу. Он представлен нетократами, кураторами (вместо политиков), нексиалистами (вместо предпринимателей) и этерналистами (вместо ученых).

При анализе феномена субъекта культуры, возникает методологическая тонкость: как интерпретировать процедуру «связывания» информации Нетократами и их сообщниками, если система кодов прямо не задана, а в дискурсе новых субъектов имеет место апелляция к ценностям? Рассматривая этот вопрос по существу, необходимо обратиться к трём аргументам, которые не только дезавуируют приведённые выше «прорывные» точки зрения на культуру информационного общества, но и, якобы, фиксируют простой и всеобъемлющий код, как средоточие культурных универсалий. Подчеркнем, код, способный придавать форму, направленность и смысл че-

ловеческой деятельности в объеме, манифестирующем вершину социо-природной эволюции человечества.

На самом деле все обстоит иначе: homo Matrix, конституируемый экономико-сетевым гиперкластером, не отличается своей нейтральностью, как ею не отличается сама природа человека. Иначе говоря, этот кластер сегодня флуктуирует как в позитивном, так и в негативном плане, но сами эти планы не имеют общего знаменателя и критериев ценностно-культурной верификации. На повестке дня вопрос о технологиях деиндивидуализации и деперсонификации, а значит мутации и инмутации социокультурных связей, сверхпроблематичное нахождение формулы баланса структуры и функций всей социальной системы, структуры Matrix. При этом, в значительной степени искомый баланс отдан на откуп её обитателям, для которых дилемма «красной» и «синей» таблеток вовсе не стоит, как, впрочем, и не стоит вопрос об альтернативах «цифрового рая».

Этот пункт может быть проиллюстрирован следующим образом. В своё время М. Кастельс, рисуя культуру Интернета и субъектов этой культуры, показал, что она имеет четырехслойную структуру: 1) техномеритократов и их культуру; 2) хакеров с присущей им особой культурой; 3) виртуальную общину и их культурную жизнь; 4) предпринимателей и предпринимательскую культуру [11, с. 53]. При этом небезынтересна следующая его констатация: «Исторически Интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на профессорских «командных высотах» и в аспирантских «окопах», откуда соответствующие ценности,

обычай и знания проникли в культуру хакеров» [11, с. 57]. И далее ниже по иерархии...

Однако, если так ставится вопрос, то какие следствия это влечет в культурогенетическом и культурно-субъектном плане? Или же проще: способна ли такая техноцентрическая субъектность быть генератором и проводником культурных образцов, в т. ч. морально оправданных, равно как и выступать началом каузальности порождения массового субъекта «эпохи Intrenet»?

Весьма примечательно, что один из творцов «цифровой культуры» — Дж. Ланир — прямо заговорил о редукции культурного поля к файлу, облаку и т. п., о «миссионерском редукционизме» кибернетических тоталистов, и, как результат, о ритуально-фальшивых отношениях, взращиваемых на нем. Провозглашая эпоху ноосферы, олицетворяемую Кремниевой долиной и её копиями по всему миру, эти деятели «будто слышат, как алгоритмы, толпы и другие нечеловеческие существа, существующие в Сети, в сущности, говорят сами за себя» [12, с. 70]. Иначе говоря, информация — в этой культурно-информационной картине мира — имеет собственные идеи и амбиции, она одушевлена.

В конце концов, перед нами — двойная идиллия, утверждающая:

а) принцип сверх конструктивности информационных потоков и медийных форм значительно более масштабно, чем прежние семиотико-смысловые средства, активизирует потенциал человеческой природы;

б) принцип эмерджентности, т. е. порождаемое пользователями Всемирной паутины коллективное сознание, ноосферу или сингулярность.

Не разделяя этих иллюзий, адресованных homo Matrix, и все прочнее утверждающихся в массовом сознании, нам хотелось бы предложить релевантные контраргументы.

Первый состоит в следующем. Критический научный анализ теорий информации: виннеровской (информация суть содержание, получаемая от внешнего мира в ходе адаптации к нему); шенноновской (информация суть коммуникация и связь, в процессе которых устраняется неопределенность); бриллюэновской (информация суть отрицание энтропии); молевской (информация суть мера сложности структур); эшбиевской (информация суть способ и форма передачи разнообразия), показывает, что возможен иной вариант трактовки взаимосвязи информации и ценностей. В частности, в своё время А. Д. Урсул предложил такой вариант: «Однако сама ценность не есть разнообразие, а, по-видимому, свойство ограничения разнообразия» [13, с. 133], который соотносит стратегии информационного общества и его культуре, если под ней понимать движение к обществу знаний, к демократическому участию в культурно — и социогенерирующих процессах, полноценного участия в ограничении избыточного, деструктивного и информационно-шумового разнообразия.

В свою очередь, второй контраргумент сформулировал сам Дж. Ланир, приоткрывая завесу над мейнстримом культурно-технологического тренда: «Сингулярность, однако, влечет физическую гибель людей и загрузку их сознаний, где они продолжают осознавать себя, или даже аннигиляцию человечества в тот неуловимый миг, который предшествует воцарению на Земле

сверхума. Общим у Апокалипсиса и сингулярности является то, что живых свидетелей их пришествия не останется» [12, с. 48].

Ну а пока, по-видимому, homo Matrix придётся наслаждаться «вечным настоящим», в котором смешаны все коды, мечтая о новой

суперреальности, где код один, и генерирует он постгуманистический культурный (?) холизм без души и тела, высокого и низкого, морального выбора между добром и злом, между ценностями и анти-ценностями. Словом, «киберсверхчеловеческим ничто».

1. Муза Д. Е. Информационное общество: притязания, возможности, проблемы / Д. Е. Муза. Днепропетровск: Адверта, 2013. — 144 с.; Муза Д. Е., Ильянович Е. Б. Человек в перспективе виртуализации собственного бытия: технологическая реификация или самоидентификация? // Людина віртуальна: нові горизонти. Зб. науковик праць / за заг. ред. к. філос. н. Журби М. А. Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2014. — С. 68 — 71.

2. «Матрица» как философия: Эссе / Пер. с англ. О. Турухиной. Екатеринбург: У — Фактория, 2005. — 384 с. (Серия «Масскульт»).

3. Иванов Д. В. Глэм-капитализм / Д. В. Иванов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 176 с.

4. Бодрияр Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодрияр / Пер. з фр. В. Ховтун. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2004. — 230 с.

5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; Пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского, науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У — Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.

6. Петров М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. Вступ. ст. С. С. Неретиной. Изд. 2-е стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 328 с.

7. Сельчёнок К. В. Конструирование предстоящего. Руководство по пси-

ходизайну / К. В. Сельчёнок. Минск: Харвест, 2006. — 624 с. — (библиотека практической психологии).

8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. — 421 с.

9. Муза Д. Е. Информационное общество сквозь призму власти: НЕТОкратия или новый тоталитаризм? // Філософські дослідження. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2011. — Вип. 14. С. 207 — 216.

10. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. — 252 с.

11. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У — Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).

12. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест / Дж. Ланир; пер. с англ. М. Кононенко. М.: Астрель: CORPUS, 2011. — 320 с.

13. Урсул А. Д. Информация. Методологические аспекты / А. Д. Урсул. М.: Наука, 1971. — 295 с.

The article deals with the problem of culture subjectivity of information society, which arose as a result of transformations of functional-subject onto-structure of industrial-type of society and its replacement of information processes stochastics, that substantiate new sociality and culture.

According to the hypothesis of the authors, information modus vivendi creates a narrow corridor of anthropological features, including through inadequate procedures of cultural coding, but opens the wide corridor of anthropological mutation.

Key words: culture of information society; the subject of culture; culture codes of information society.

УДК 130.2:111.84

Ю. В. Фёдоров

Проблемы деградация современного социума, или Нарастающие тенденции негативного преломления ценностно-мировоззренческих представлений человека

Статья посвящена анализу одной из актуальнейших проблем современности, — глубокой деградации социума, а именно, нарастающим негативным тенденциям в области половых (сексуальных) взаимоотношений. И в этом контексте — всевозрастающим и существенным преломлениям ценностно-мировоззренческих представлений человека в области извечных (естественных) и природных половых взаимоотношений мужчины и женщины.

Ключевые слова: человек; природа; цивилизация; норма; гендерные стандарты; психосексуальные аномалии; половая сфера; дисфункции; искажения; патология; деградация.

Введение

«Идеология отсутствия идеологии» политической элиты любой страны — преступна. Но именно такое положение дел в мировом сообществе сегодня наиболее предпочтительно. Толпой управлять легче, чем сознающим себя обществом. Нам трудно признаться, что мы уже давно смирились с грубо ворвавшейся в нашу повседневность чужой идеологией — идеологией «равных возможностей», тотального потребления, сексуальной вседозволенности и борьбы каждого против

всех за жирный кусок или просто за выживание.

Эта предпочитающая себя не рекламировать идеология, конечно, не записана, как марксизм-ленинизм, в вузовских учебниках — её позиции в нашей жизни закрепляются другими, более эффективными средствами. Она воплощена в идеях мондиализма и монетаризма, по которым выверяют свой геополитический курс США и страны Западной Европы. Эта идеология опредмечена в гендерной политике и стандартах современного западного общества сверх потребления, внушаемых нам бесцеремонной

рекламой, СМИ и Интернетом. Эта идеология растворена в самом образе жизни, где у всех равные возможности разве что... по изменению пола, и пропаганде собственной нетрадиционной сексуальности. Как же, по этим канонам живет весь «цивилизованный» мир! А раз весь мир, так поспешим и мы провести новый социологический эксперимент — очередной экзамен на выживание.

Именно так. С 90-х годов ушедшего века наше общество стало стремительно скатываться в бездну вырождения, массовой деградации и вымирания. Лишь спустя четверть века ситуация стала меняться к лучшему, хотя общая тенденция пока сохраняется и внушает серьёзные опасения. Как только Россия заявляет о себе, как о серьёзном геополитическом игроке, её тут же прессингуют США и вся Западная Европа. И если экономические санкции мы как-то выдерживаем, то в информационной и идеологической войне пока проигрываем.

Среди огромного спектра общего неблагополучия нашего социума, мы опустим демографические, генетические и многие социокультурные аспекты, остановившись, лишь на вопросе пола, а точнее — извращённой половой морали, так настойчиво навязываемой нам из-за океана.

Актуальность исследования

Актуальность данной статьи определяется резким обострением интереса к проблеме вырождения в современном мире. Длительное табуирование комплекса проблем, связанных с явлением вырождения, отсутствие внятных и устойчивых идеологических процессов, парадигм, разнонаправленность человеческого существования, обесс-

мысливание культуuroобразующих концептов и образов, тотальный плюрализм и мировоззренческий релятивизм, все эти симптомы современной социальной реальности создают иллюзию вездесущности патологических, болезненных процессов в социуме, культуре и искусстве. Гендерная политика, настойчиво навязываемая Америкой и Евросоюзом всему «цивилизованному» миру ведёт к необратимым и фатальным последствиям. В Европе последовательно уничтожается институт семьи. Деградация нравов повсеместна. Белая раса вымирает ускоренными темпами. Что может быть актуальней?

Изложение основного материала

Итак, нас становится меньше, наше здоровье заметно ухудшается, рождаемость падает, продолжительность жизни снижается, детская смертность растёт, мутационные нагрузки на организм увеличиваются, национальное самосознание деградирует, моральные устои размываются [9]. Назовете ли вы все это вместе откровенным словом «вырождение» или поищите другое слово, щадящее психику и национальные амбиции, наше будущее от того не станет более обнадеживающим. И с биологической точки зрения оценка ситуации предельно ясна. Приспособленность любой популяции к своей экологической нише определяется количеством оставляемого потомства — это научная истина, ещё со времен Ч. Дарвина ставшая аксиомой. Она вполне применима и к популяциям вида *Homo sapiens*.

Однако судьба популяции зависит и от качества оставляемого ею

потомства. Качество же потомства зависит не только от генофонда популяции, но и от той среды, в которой идет процесс формирования фенотипа человека. Влияние среды и генов на развитие любого организма генетики сравнивают с влиянием размеров основания и высоты на площадь прямоугольника.

Многими исследователями сегодня совершается одна и та же ошибка- биологический аспект жизни человека отрывается ими от социального. Между тем, специфика развития и становления человека как биологического вида как раз в том и заключается, что средой его обитания является прежде всего культура — субстанция социального происхождения. От неё непосредственно и зависит количество и качество потомства той или иной популяции вида *Homo sapiens* — народа, этноса, нации. Таким образом, печальный, но неоспоримый факт вырождения русской нации, безусловно, может получить объяснение только в свете процессов, происходящих сейчас в области русской культуры.

Наша культура катастрофически теряет адаптивность. Экономика, которую можно назвать экологией человеческих популяций, переживает кризис, навязанный ей западными политическими лидерами и мировыми реформаторами [3]. Наука, призванная обеспечивать прогресс культуры, разваливается и разбегается, цепляясь за свой интернациональный паритет. Образование, от которого зависит состояние интеллекта нации, давно трансформируется соответственно западным потребностям. Искусство, призванное повышать эмоциональную и эстетическую приспособленность популяции, «презентует» пир во время чумы. Эпидемия

всеобщего хаоса и разложения в России, охватившая все классы, все слои населения с середины 1990-х, увы, далеко не закончилась.

Консолидация России неимоверными усилиями президента В. В. Путина только намечается. У Российского общества пока нет главенствующей идеи (официально озвученной), вокруг которой могли бы сплотиться для совместного действия подлинно патриотические силы, молодые, энергичные и мыслящие люди. Идея национального возрождения России пока мало привлекательна для большинства политической элиты России. «Негативная идеология съедает этнос, в котором она нашла приют, так же как бледная спирохета съедает организм человека и погибает вместе с ним», — писал Л. Н. Гумилев в работе «Этногенез и биосфера Земли», 1978-1979 гг.

Да, проблема самосохранения весьма обширна и многополярна, и социум периодически предпринимает какие-то попытки замедлить процесс собственного угасания. Но уж слишком робки эти усилия перед мощью нарастающих негативных антропологических процессов вымирания. А теперь существенно сузим предмет исследования и остановимся на одном очень важном аспекте — половой морали.

Правление президента Б. Н. Ельцина было столь деструктивным по всем аспектам, что чуть не оказалось для России фатальным во всех смыслах... По оценкам международных экспертов, к 2000 году Россия едва не лишилась государственности, ежедневно превращаясь из мощнейшей сверх державы в сырьевой (колониальный) придаток мировой финансово-олигархической (банковской) системы [7; 10].

Но оставим политику и экономику в стороне.

За каких-то 25 лет нас немислимо раскрепостили и развратили [8]. Из этой для нас чрезвычайно важной человеческой (Русской и Православной) сферы бытия убрали уйму запретов и тем самым упростили структуру социума, повысив энтропию и, соответственно, понизив его энергетику. Однополая любовь и однополые браки сегодня стали обыденным явлением. Геи и лесбиянки обрели гражданские права. Покушение на них сегодня предосудительно. В некоторых кругах искусства и шоу-бизнеса быть геем сегодня модно, это даже стильно. «Кому от этого плохо?..» Улью, в котором живут пчелы, от этого плохо. Дети не рождаются — вот явное следствие. Снижение энергетики общества — это неявное, объективное следствие. Человечество двуполо. Сдвиг в сторону стирания разницы между полами — есть сдвиг к гибели, бесплодию, исчезновению. Это — как уменьшение разности потенциалов двух полюсов — означает снижение энергоёмкости батареи.

Врождённый гомосексуализм «трех процентов» — брак природы. Без него не обходится — тут можно только посочувствовать. Гомосексуализм тюрьмы — отчасти вынужденный — необходимо карать насилие, но понять можно. **Но уравнивать патологию в правах с нормой** — означает разрушение нормы, отрицание самого понятия «гетеросексуализма» как половой нормы. А отрицание природной нормы — это сдвиг к вырождению и исчезновению вида (в конкретном случае — этноса). Половой инстинкт, проявляющийся в вождении мужчиной женщины, в то же время проявляется «негативно» в рефлекторном отвращении мужчины

к половому акту с женщиной. Биологические и психологические основы поведения «самца» определяют это. (Речь сейчас о норме, а не нескольких процентах исключений, обусловленных хромосомным сдвигом).

Что же диктует сегодняшняя «цивилизованная мораль»? Выказывать отрицательное, неравноправное отношение к гомосексуализму — это «гетеросексуальный шовинизм», отсталость, хамство, геноцид, а хамов надо осуждать и наказывать [2]. Нормальному мужчине предписано давить в себе естественную биологическую реакцию: тебя тошнит от гея, а ты стыдишься своих чувств, дави, изгоняй. И нет бы оставить геев в покое — ну, пусть устраиваются как могут. Нет, права «сексуального меньшинства» надо уважать и оберегать. Более того, при прочих равных возможностях предоставлять им преимущество при занятии выгодных рабочих мест и т. п. Нас заставляют вспоминать древнюю историю. Мол, древние эллины тоже любили мальчиков. Но сверимся с хронологией — это был как раз «золотой век», предвестник и начало упадка и саморазрушения. На что может рассчитывать цивилизация, отдающая предпочтение патологии перед нормой [6]? Теперь о свободе связей. Сегодня она безгранична и всеобъемлюща. Живи с кем хочешь, как хочешь и сколько хочешь. Двуполо, однополо, индивидуально и коллективно. Никто не осудит. Это стало нормальным. Понятие «прелюбодеяния» утеряло смысл. (За исключением юридического при измене одного из супругов в ряде стран. Это может служить основанием для развода с материальными потерями для уличённой стороны. А может и не служить: что дозволено американскому президенту — дозволено и быку. При супружеском со-

гласии — живи муж (жена) хоть со всем Голливудом).

Секс-шоу-бизнес. Порноиндустрия. Видеокассеты. Секс-телефоны. Секс-шоу Америки, Дании, Голландии, Швеции, Германии, Франции — акты на сцене, участвуйте, щупайте. Стриптиз. Топлес-бары. Глянцевые журналы. Секс-шопы с кабинками для самоудовлетворения. Для любителей «сексуальной экзотики» и в Интернете, и в кино покажут любые акты сексуальных и физиологических отклонений, для почитателей жесткого секса — услуги садо-мазо, а для особых «гурманов» — весь спектр зоофилии. «А кому от этого плохо? Это так приятно!..». Фрейд бы даже удивился — сколько либидо можно и без сублимации, и без прямого назначения выпустить паром даже не в свисток, а в окружающее пространство. **Секс-бизнес — роковое снижение энергетики общества.**

Теперь о детях и импотенции. В обществе тотального потребления уже давно сняты любые табу и уж тем более цензура обнажения [5]. На цивилизованном пляже прикрыты только собственно гениталии. На нудистском пляже, которых становится все больше, ходят а-натюрель... Прозрачные наряды и отсутствие видимого белья.

В киноиндустрии сцены откровенного совокупления стали обыденностью. Режиссёры повсеместно вводят уже инцесты и педофилию. Так требует касса и реализм. Мне возразят: «О нет, все это красиво, приятно, привлекательно и замечательно. Да здравствует свобода, мы её долго ждали». Возможно, кто-то и ждал. Но! **Когда интимное становится публичным, оно исчезает.** Мы обрели много голого тела, но лишились этого как интима. Чего

нет? Трепета, волнения, дрожи, заикания и прочей лирической чуши? Не только. Энергетика общества снизилась. **Где всё можно — там этого меньше всего хочется.** Где меньше энергии надо приложить, чтоб чего-то добиться — там, во-первых, появляется менее энергичный стереотип поведения и, одновременно, менее энергичный «тип», носитель этого «стерео»; а во-вторых, неизрасходованная на чисто сексуальные цели энергия ищет других точек приложения — и в благополучном обществе их не находит! В итоге современный молодой человек ломится на рок-концерт, с головой уходит в игровой компьютерный мир, заболевает порно-сайтами, садится на наркотики и т. п. Психозы, неврозы, фобии, мании, перверсии, девиации — вещи того же порядка. Извращённая (аномальная) сексуальность ведёт к необратимым психическим расстройствам.

Называем всё своими именами. Наши дети круглосуточно следят за рекламой. Перед половым актом их учат угощать партнера презервативом. «Он надевается на половой член, который вводится во влагалище. Безопасный секс — ваш выбор». Это культурно, сознательно и заботливо, стесняться тут нечего. Все так должны делать. Чтоб не залететь и не заболеть. Скажите, пожалуйста, а менее тупо, не с такой дебильной бестактностью, никак нельзя? А наряду со стопой учебников поголовно обеспечить школьников седьмого, скажем, класса четырехстраничной брошюрой, которую они прочтут сразу (будьте спокойны) нельзя? А — зачем? Что естественно — то не безобразно. Обо всем следует говорить публично.

Что плохого в официальной отмене стыдливости? А то, что с от-

меной понятия — отменяется и его противоположность: где нет стыдливости, там нет и цинизма, ибо цинизм есть норма поведения, не более чем. Всё то же обеднение, упрощение структуры, а значит снижение энергетики.

Публичная «бюрократизация интима», — это деидеализация, деромантизация, дегероизация. Уничтожение табу: замена лексики интимной, стилистически окрашенной на медицинскую, научную, стилистически отчуждённую, казённую, обобщённо-нейтральную, бесчувственную. Вместо заикания, потливости и неуклюжих манёвров в сторону дивана дружеское предложение — «давай позанимаемся сексом», непринуждённо и легко. От рыцарского романа, где он гремит латами, а она путается в шнурках, — сдвиг в сторону искусственного осеменения коровы. Скажи мне, как они любят, и я скажу, чего от них ждать. Скажи мне, что они говорят, и я скажу, о чём они молчат. *Так происходит снижение идеального аспекта любви, а это свидетельство и часть общего снижения идеалов обществ, что явно говорит об его упадке.*

Теперь несколько слов о сексуальной революции и проституции. Если в СССР с проституцией хоть как-то «боролись», периодически штрафую «гостиничных красавиц» и вяло «осуждая» в прессе такой «неправильный» способ заработка, то в современной России проституция на наших глазах героизируется, превращаясь в престижную и завидную профессию. Как это произошло?

Сделать проституцию такой же нормальной профессией, как любая другая, довольно просто. Во-первых, надо открыто утвердить, что любой секс — это не более чем нормально, это все делают, и стыдиться тут абсолютно нечего. Во-вторых, надо

открыто признать, что если от этого кому-то хорошо и никому не плохо, то в этом ничего плохого. В-третьих, надо вспомнить, что спрос рождает предложение. В-четвертых, никакие половые связи ни в каком количестве никого не позорят и позорить не могут. В-пятых, каждый зарабатывает деньги как может, а честный высокий заработок хорош и даже почётен. В-шестых, назовем проститутку «секс-работниками», это придаст легальное и даже положительное звучание стилистически скомпрометированному понятию «проститутка», а то оно звучит как-то презрительно-ругательно, а это нехорошо. В крайнем случае «девушка по вызову», «платная девушка». В-седьмых, пригласим проститутку на телешоу, возьмём у них интервью для газет, пусть все увидят, что это нормальные женщины, отнесёмся к ним с уважением.

И вот результат. Если все говорится вслух. Если в сексе нет никаких табу. Если у проститутки присутствует нормальная тяга к хорошей жизни, а проституцией она заработает гораздо больше, чем любым другим способом. Если любой человек заслуживает уважения. Если мужчины сами хотят иметь с ними секс и добровольно платят за это деньги. И если интимное официально отменяется и делается публичным. То что же должно мешать девушке зарабатывать на жизнь проституцией? Ничего! Работа — деньги, и иногда даже удовольствие. Проституция была всегда? Но не всегда проститутки «позиционировали» себя как «секс-работники», нормальные и полноправные члены общества. И не всегда общество имело их за таковых.

Когда нормальные студентки, нормальные работницы, нормальные матери подрабатывают, а на самом деле только и зарабатывают на

жизнь проституцией — это стирает разницу между порядочной женщиной и проституткой. Разница, как бы остается, замуж они хотят за тех, кто об их делах мало осведомлён, ведь ей неприятно его знание, да и он может не жениться. Но общество относится к этому с пониманием. Не осуждает, в общем. А значит и разница не существенна. И мы ещё удивляемся, что приличный мусульманин считает большинство белых женщин гулящими? А кем ему их считать? А различить как? И мы искренне полагаем, что общество, где сплошь и рядом исчезает грань между нормальной женщиной и проституткой — не большое общество? От бедности? А в прошлые века богаче жили? Ах, тогда была темнота. А сейчас свет? В этом свете все хотят денег сильнее, чем в той темноте. Уже мало не умирать от голода — цивилизованному человеку необходимы нормальные блага цивилизации: модные вещи, машина, нормальное питание, приличная квартира, отдохнуть в нормальном месте. И мы не осуждаем тех, кто зарабатывает на это проституцией [1]. Да что там проститутки, в современном кинематографе в главные герои уже давно вышли килеры, депутаты-казнокрады, продажные судьи и мэры, мафиози, уголовники, бандиты всех мастей и прочие асоциальные монстры [9]. Как сказал герой одной пьесы: «Господи, куда ты нас ведешь?»

Вывод

Обществу, где исчезли архаичные и наивные ныне понятия любви, чести, стыдливости, доброты, порядочности, верности, идеала и прочих романтик грозит неминуемое вырождение. Что стоит на рубле — под рублем и развалится.

Цивилизация, где женщина легко и сознательно становится проституткой, как бы продолжая при этом оставаться нормальной женщиной — это обречённая, больная, меченная знаком близкой гибели цивилизация. Перестав вообще оперировать понятием «порок», мы тем самым смешиваем его с нормой и теряем нравственные ориентиры. Что это значит? Это значит, что стремление к деньгам остаётся, а стремление к чему-то большему, что главнее денег, как-то исчезает. Упрощение структуры, энтропия, спад энергетики, путь в хаос [4]. Может быть стоит вспомнить библейскую историю Содома и Гоморры? А вдруг остановимся?

И последнее — цензура и табу. Цензура у нас до сих пор ассоциируется с тоталитаризмом, демократия — со свободой, а свобода — с дозволенностью всего, что не несет явный вред безопасности, здоровью и благополучию индивидуума. Это отсутствие вреда отграничивает дозволенность от вседозволенности и приветствуется. Но что такое табу, ограничение, запрет? Дополнительные заборы и перегородки в жизни. Другими словами, усложнение структуры социокультурного пространства. Что значит снять табу? Упростить структуру жизни общества, тем самым снизить энергетическую напряжённость структуры и повысить её энтропию. Однако это шаг к хаосу. А хаос — это конец, распад, смешение всего, разрушение структурного порядка, гибель. Сплошные запреты — гибель через окаменение. Снятие всех запретов — гибель через рассыпание песком.

Запретить вообще всё невозможно — разрешить вообще всё, в принципе, возможно. Средневековые

рамки христианской цензуры зажимали мысль, чувство и тормозили развитие. Рамки расширяли и ломали, и сравнительно либеральный XIX век явил определённое равновесие между желанием и запретом: Большой Рывок научно-технического, социального и культурного прогресса. И маятник естественным порядком качнулся в сторону вседозволенности. **За определенной точкой дальнейшее увеличение свобод и прав личности — деструктивно, ведет к распаду общества.** Ряд нынешних свобод привёл бы человека XIX века, создателя нашей цивилизации, в недоумение, шок, ужас. Снятие табу, безвредное на первый взгляд и расширяющее права личности никому не в ущерб, может

быть вредно самим своим фактом: повышением социальной энтропии, понижением социальной энергии, содержащейся в самой структуризации социума. Любое снятие табу снижает упорядоченность системы. Высвободившаяся при этом энергия, ранее «законсервированная» в структуре, может сублимироваться в созидание (наука, культура и т. д.), а может рассеиваться в незначимых индивидуальных актах анархизированного пространства. (Можно пустить сжатый гелий из баллона в дирижабль, а можно выпустить в воздух). **Цензура — это стены не только тюрьмы, но и дома, и убежища. Превращая тюрьму в нормальное жилище, надо сносить стены осмотрительно.**

-
1. Веллер М. Деградация и вымирание / М. Веллер // Интернет против телевизора : [Электронный ресурс] : Режим доступа : www.contrtv.ru/common/1385/
 2. Гендер без прикрас. Аналитический обзор. — [Электронный ресурс] : Режим доступа : www.stopgender.wordpress.com
 3. Гоголицын Ю. М. Тайные правители человечества, или Тайные общества за кулисами истории / Ю. М. Гоголицын. — СПб. : «Динамит», ООО «Издательство «Золотой век», 2000. — 512 с.
 4. Живой журнал Владимира Тогоева : [Электронный ресурс] : Режим доступа : <http://v-togoev.livejournal.com/1279.html>
 5. Журнальный зал : [Электронный ресурс] : Режим доступа : magazines.russ.ru/ura1/1997/5_novozin.html
 6. Искусство эпохи вырождения. — [Электронный ресурс] : Режим доступа

7. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война / В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин. — М. : Институт социально-психологических исследований АСН, 2000. — 304 с.
8. Платонов О. А. Почему погибнет Америка: Тайное мировое правительство / О. А. Платонов. — Краснодар: Сов. Кубань, 2001. — 368 с.
9. Фёдоров Ю. В. Феномен вырождения: социокультурные и творческие аспекты / Ю. В. Федоров. — Симферополь: СГТ, 2012. — 384 с.
10. Фроянов И. Погружение в бездну / И. Фроянов. — К. : Оріяни, 2003. — 436 с.

This article analyzes one of the most urgent problems of our time — the deep degradation of society, namely, growing negative trends in the field of sex (sexual) relationships. And in this context — the ever-increasing and substantial refractive index values and philosophical ideas of man in the eternal (natural) and natural sexual relations between men and women.

Key words: man; nature; civilization; rule; gender standards; psychosexual anomalies; genitalia; dysfunction; distortion pathology; degradation.

**ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ
КУЛЬТУРЫ**

УДК 130.2

А. В. Швецова, В. В. Шамрай

Идея нации и национальная культура

Статья посвящена анализу национальной культуры как результата и необходимого условия развития нации. Определяются различия национальной и этнической культур через выяснение отличительных качеств нации от этноса. Выясняются особенности национальной культуры. Главенствующее значение при этом имеет её соответствие ведущим принципам и ценностям нации.

Ключевые слова: *нация; национальная культура; демократия; национальное государство; гражданское общество.*

Постоянно возникающие в современном мире социально-политические, национальные, этнические и культурные конфликты, трудности достижения взаимопонимания государств и народов, с необходимостью обнажают фундаментальные проблемы национальной государственности и национального единства, их принципов и условий.

Многочисленные исторические процессы неоднократно показывают, насколько различными могут быть политические, социальные и культурные убеждения и предпочтения представителей одной и той же

нации, насколько важными являются общие мировоззренческие и культурные основы человеческого общежития не только для обеспечения социального мира и национального согласия, но и для сохранения всей человеческой цивилизации.

Непонимание и недооценка роли культуры в развитии общества в целом, и, в частности, национальной культуры в становлении, функционировании и развитии национального государства, как показывает практика, приводят к разрушению социальных связей, политическим кризисам, гуманитарным катастрофам.

Потому выяснение сущности национальной культуры и её роли в обеспечении национального единства и национальной государственности являются особо актуальной социальной и научной проблемой.

Следует отметить, что различные аспекты формирования и развития национальной культуры исследовались многими учеными. В культурологическом плане соответствующие вопросы поднимали С. Артановский, П. Гуревич, Л. Ионин, М. Каган, С. Лурье, Э. Маркарян, Э. Орлова, А. Флиер и др. Вруслера разработки интегративной теории наций — А. Аклаев, И. Кузнецов, В. Коротеев, В. Козелько и др. В связи с анализом проблем этнической и национальной идентичности — Дж. Армстронг, Б. Андерсон, Ф. Барт, П. Альтер, Э. Ренан, Э. Геллнер, Э. Смит, Л. Дробижева, В. Егоров, В. Савельев, В. Тишков и др. Проблемы национальной культуры как носителя национальных ценностей и традиций — А. Ахиезер, Г. Ашин, В. Буров, Б. Ерасов, Н. Зарубина, А. Кара-Мурза, А. Панарин, В. Федотова, А. Шестопал и др. В контексте политики мультикультурализма и межкультурных отношений — У. Кимлика, Б. Палекх, Ч. Тэйлор, А. Янг, М. Хомяков, С. Гавров, Г. Серкова и др. Особенности развития национальной культуры в условиях глобализации — О. Гёффе, Л. Луман, А. Гутман, К. Колин и др.

Однако при наличии разнообразных исследований проблем национальной культуры, её анализ в контексте развития нации явно недостаточен. Выяснению особенностей национальной культуры как результата и условия развития нации посвящена данная статья.

Общеизвестно, что любой процесс жизнедеятельности людей мо-

жет достичь успеха только в том случае, когда основывается на чётко определенных и осознанных методологических и мировоззренческих принципах. Это касается и такого масштабного процесса, как развитие национальной культуры.

Что касается понятия национальной культуры, следует отметить тот факт, что довольно часто оно используется произвольно, тождественно понятиям «культура народа» или «этническая культура». Это приводит к методологическим ошибкам и мировоззренческим искажениям, что, в свою очередь, отрицательно влияет на политическую и социокультурную практику.

Исходя из вышеизложенного, целью данного исследования является анализ феномена национальной культуры в его существенной взаимосвязи с феноменом нации.

Национальная культура создается в процессе становления нации, а потому идея нации является тем мировоззренческим ориентиром и движущей силой сознания, которая с необходимостью должна присутствовать в национально-культурном развитии. Именно идея нации определяет основополагающие принципы национальной культуры, её цели и функции в жизни общества и личности.

Понятие нации и факторы её конституирования нельзя сводить к этническому составляющим единения народа, как это довольно часто делается. Безусловно, нация возникает не на пустом месте, а в определенных исторических условиях культурного, этнического и социального единства. Но, вместе с тем, воплощение идеи нации требует качественно иной общности людей и соответствующих условий.

Нация начинается тогда, когда соответствующий народ, воодушев-

лённый национальной идеей, становится на путь самоопределения как исторический субъект и прилагает к этому соответствующие волевые и организационные усилия. В связи с этим возникает закономерный вопрос: чего необходимо достичь народу, чтобы иметь право называться нацией? Какие условия жизни он должен создать?

Важнейшим политическим условием становления нации является создание собственного независимого государства. Только собственное государство обеспечивает народу возможность самостоятельно распоряжаться собственной судьбой и осуществлять себя как самостоятельного исторического субъекта в общечеловеческом пространстве. При этом следует иметь в виду, что речь идет не о любой форме государственности, а о подлинно национальной, демократической, в которой действительным носителем власти является сам народ, а целью — воплощение его воли и защита его интересов.

Фактически только в национальном государстве могут быть обеспечены реальные и крепкие возможности для развития культуры народа — более действенные гарантии её сохранения и развития в истории неизвестны. При этом преобразование народа в нацию и построение национального демократического государства кардинально меняет характер культуры, её смысл и ведущие ценности. Ведь в этом случае территория проживания народа превращается в национальную территорию, а народ, ставший нацией, принимает на себя ответственность не только за себя самого, но и за соответствующую страну, за всё, что в ней существует и прежде всего за всех людей, кото-

рые на ней проживают, независимо от их этнической и иной принадлежности.

История свидетельствует, это чаще всего наиболее острыми факторами, которые обуславливают недостаточный уровень национальной солидарности (т. е. согласие граждан на национальное самоопределение) являются этническая негомогенность населения и неспособность титульного народа объединить его для создания общенационального будущего. Неспособность титульного народа осознать свою историческую ответственность за страну и её жителей приводит к национализму в отрицательном смысле этого понятия и, соответственно, к межэтническим, межкультурным, социальным и политическим конфликтам.

Национальная жизнь только тогда будет успешно развиваться и избежит разрушительных процессов, когда в состав нации будут вовлекаться (и идентифицировать себя с ней) все проживающие в данной стране. Только в этом случае нация имеет будущее и действительно соответствует своему названию и историческому предназначению.

Ведь если развитие этнической культуры имеет преимущественно естественный и самостоятельный характер, а её субъектом является соответствующий этнос, то создателем и носителем национальной культуры является всё население страны. Поэтому национальная культура, развивающаяся в условиях собственной национальной государственности, должна выполнять функцию единения людей, а создание и поддержка такой культуры должны быть приоритетной задачей государства и главной целью его культурной политики. Государство-нация, не строящее и не раз-

вивающее национальную культуру, обречено на историческую неудачу.

Национальная культура — культура особенная. Она приобретает черты и ценности, «открывающие» её для всех, кто идентифицирует себя с данной нацией и разделяет её ценности. По этому поводу Д. Лихачев очень точно отметил, что «...культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определённое пространство, из простого населения — народом, нацией... Культура — это святыни народа, святыни нации» [1, с. 9].

«Втягивая» в себя различные культуры, объединяя их в себе по принципу гегелевского «снятия», национальная культура, сохраняя их самобытность и уникальность, обеспечивает преодоление их ограниченности и локальности. Формируется своеобразный «полилог» культур, их гармоничное сосуществование и взаимодействие на основе общенационального языка, правовых институтов, общекультурных ценностей, национальной идеологии и т. п. Без формирования общих основ и общих мировоззренческих ориентиров, определяющих общее будущее людей, национально-государственное развитие невозможно. При этом следует отметить, что само по себе наличие общих культурных институтов и общекультурных черт не достаточно для формирования национальной культуры. Эти черты и институты должны иметь особенный, соответствующий принципам нации характер.

Безусловно, создание и развитие национальной культуры не может быть обеспечено лишь формированием соответствующих государственных институтов. Процесс национального самоопределения нельзя сводить к чисто политическому раз-

витию, а последнее — к построению народом самостоятельного государства. Необходимо осуществление всех принципов национального бытия, общим выражением которых является гражданское общество, понимаемое широко — как определенный тип общественного устройства, с соответствующим экономическим строем, социальной структурой, культурными (в том числе правовыми) институтами.

По этой причине национальное самоопределение наиболее продуктивно там, где установлением самостоятельного национального государства завершается исторический процесс становления гражданского общества. В этом случае появляется государство не только независимое, но и общенародное, национальное. Ведь государство воплощает настолько высокую концентрацию власти, что ей ничего не может противопоставить общество, не имеющее развитой гражданской структуры.

Именно гражданское общество, являющее собой систему добровольных, социально активных, негосударственных объединений свободных граждан, представляющих и защищающих свои (в том числе культурные) интересы, становится общей социальной основой национальной культуры, ибо без гражданского согласия и гражданской солидарности национально-культурное развитие и согласие невозможны. Исходя из этого, важнейшей задачей национальной культуры является формирование гражданской культуры, главными ценностями которой являются социальное доверие, справедливость, равенство, толерантность, права и свободы личности, социальная солидарность, активность и ответственность. Культиви-

рование и защита этих гражданских ценностей является прямой задачей национальной культуры и проводимой национальной политики.

В этом случае важнейшее место занимает личность — самодостаточная, сознательная и социально-активная. Именно наличием определенного типа личности нация принципиально отличается от народа, так как процесс национального самоопределения в обязательном порядке требует национального самоопределения личностей.

Этническую принадлежность человек получает при рождении. Но в случае принадлежности к нации недостаточно естественным образом принадлежать к соответствующему народу — необходимо также определиться и как участнику национальной жизни. Сознательное национальное самоопределение личности является одним из ведущих факторов национального бытия. Не «кровь» или «язык» в конечном счёте определяют национальность человека, а его участие в судьбе нации, готовность соединить собственную жизнь и судьбу с жизнью и судьбой соответствующей национальной общности, её проблемами и стремлениями, целями и идеалами.

Нация — это своеобразный политический и социокультурный проект, задающий логику и принципы национального развития и консолидирующий индивидов для его осуществления. По этому поводу, в частности, Б. Андерсон отмечал, что нация — «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное», что это — «образ общности» [2, с. 28-29].

Исходя из этого, важнейшей функцией национальной культуры

является привлекательного образа нации, т. е. тех составляющих, в которых возможно полноценная самореализация человеческой личности и её свободы. Как показывает история, успех национального развития, историческая судьба нации зависят от того, какие возможности способна нация предложить людям. Эти предложения, конечно, не умозрительны, и только на начальных стадиях национального становления могут быть представлены мировоззренчески-духовными ценностями. Учитывая, что нация — это принципиально новая общность людей, необходимо предложить организованную систему всех сфер общенациональной жизни. Насколько эта жизнь окажется привлекательной, какой отклик найдёт у народа — такой будет и судьба нации.

Безусловно, это должно предполагать сохранение и создание условий для дальнейшего развития всех культур в общем пространстве национальной культуры. Но при этом в национальной культуре должны быть созданы механизмы и условия для личностного развития людей во всех сферах общества — ведь не случайно национальная культура часто именуется социетальной, т. е. социально-ориентированной, общей для всего социума и интегрирующей его в единое целое.

Но национальные предложения — это предложения возможностей и предоставление жизненных шансов, использование и реализация которых зависит и от самих личностей. От личностных качеств людей, их сознания и воли, от того, на что способны люди, составляющие нацию, насколько они готовы и могут реализовывать национальные интересы, зависит судьба нации. В отличие от жизни донациональных сообществ,

национальная жизнь становится такой, какой её создают многочисленные усилия, инициативы, действия и достижения личностей. Поэтому раскрепощение сущностных сил личности, максимальное развитие и раскрытие её способностей — важнейшая функция национальной культуры. Доступ личности ко всем сферам и возможностям культуры, заинтересованность в их освоении и приумножении национально-культурных ценностей — необходимое условие национального развития. В этом случае нация действительно становится общностью, обеспечивающей свободу своих участников.

Кроме того, специфика национальной культуры определяется её ролью субъекта мировой истории. Если областью существования народа является территория его непосредственного обитания, а его культура удовлетворяет потребности и интересы только его представителей, то сфера жизнедеятельности нации — это весь мир, а её культура становится открытой всему человечеству и ориентируется на общечеловеческие ценности и интересы.

Последний момент следует подчеркнуть, т. к. существует стереотип сознания, согласно которому национальная культурная ориентация противопоставляется общечеловеческой. Его возникновение следует отнести опять-таки к непониманию смысла нации. Нация во всех измерениях своего бытия стремится утвердиться среди других наций, реализовать свою волю к участию в жизни человечества, во всей мировой истории. Поэтому национальная культура (литература, изобразительное искусство, наука и т. п.) не может существовать исключительно «сама для себя». Как нация обращает свои усилия во всемирное

пространство, так и национальная культура существует и развивается в общечеловеческом мире. Поэтому нация и национальное государство своей целью должны ставить выработку таких форм общенациональной культурной жизни, критерием содержательности которой является культурный мир и ценности всего человечества.

Таким образом, существенной особенностью национальной культуры является её «включенность» в общемировое культурное пространство, ориентация на общечеловеческие ценности и достижения, выработка соответствующих качеств и установок как отдельной личности, так и нации в целом. Важным результатом этого является создание соответствующего имиджа нации как субъекта всемирной истории, достойного своего названия, предназначения и предоставляемых возможностей.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Национальная культура как результат и условия формирования и развития нации имеет следующие особенности:

1) понятие национальной культуры существенным образом связано с идеей нации как социально-политической, полиэтнической общности;

2) развитие национальной культуры взаимосвязано с развитием национального демократического государства, гражданского общества и соответствующих институтов, и является важнейшим условием и задачей их существования;

3) главной целью национальной культуры является формирование общекультурных институтов, системы общих ценностей, ориентиров, идеологии и т. п., соответствующих принципам демократии и свободы и

обеспечивающих социально-политическое и культурное единство нации и солидарность её участников;

4) необходимым элементом национальной культуры является культура гражданская, ориентированная на формирование и развитие самодостаточных, свободных, социально-активных личностей, разделяющих национальные идеалы и устремления;

5) национальная культура «включена» в общекультурное мировое пространство, ориентируется на общечеловеческие ценности и достижения, открыта для культурного взаимодействия;

б) обязательным элементом национальной культуры является идея общего национального будущего, построенного на соответствующих принципах и обеспечивающего социальную гармонию и личностное развитие каждого в общечеловеческом мире.

В этом случае национальная культура действительно будет соответствовать историческому смыслу и предназначению нации, обеспечивать её полноценное существование и развитие, национальную безопасность, единое и желаемое для своих граждан национальное будущее в мировом культурном пространстве.

1. Лихачев Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. — М.: Искусство, 2000. — 440 с.

2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках

и распространении национализма / Б. Андерсон / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. — М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288 с.

The paper is devoted to the analysis of national culture as a result and a necessary condition of the nation development. Distinctions of national and ethnic cultures are defined by clarification of distinctive qualities of the nation from ethnos. Features of national culture become clear. The predominating value has its compliance to the leading principles and values of the nation.

Key words: nation, national culture, democracy, the national state, civil society.

УДК 304.2:343.34

А. А. Коноплева

Радикализм в национальной культуре как основа экстремистских проявлений

Статья посвящена изучению радикализма как основы для развития экстремизма. Рассматриваются причины и специфика формирования радикальных настроений в культуре, а также анализируются современные проявления данных социальных явлений.

Ключевые слова: радикализм; экстремизм; национализм; культура; фашизм.

Плюралистичность современного общества является основой для развития целого ряда социальных явлений и процессов, которые становятся причиной мощных трансформаций как позитивного, так и негативного плана. Однако имманентное пребывание в состоянии поиска новых ценностных ориентиров все же возвращает общество к привычным моделям социокультурных отношений, но уже радикального толка. Культура всегда расценивалась как мощнейший инструмент организации социальных отношений, поскольку воздействие

на человека средствами культуры является наиболее эффективным и болезненным, ввиду их способности затрагивать основы организации и ценности не только личности, но и целого народа. Таким образом, на фоне современной геополитической ситуации, политических и экономических разногласий культура становится одним из главных методов воздействия на общество, что обуславливает её активное использование в качестве инструмента управления народом. В частности, с целью укрепления позиций политические лидеры собственными

действиями инициируют развитие радикальных явлений в культуре, которые активно поддерживаются народом. Как правило, эти идеи основаны не только на воспитании патриотизма и прививании любви к родной культуре, но и культивировании идеи собственного превосходства, что чревато разжиганием межнациональных и межкультурных конфликтов. Особую актуальность изучение подобных проблем приобретает в поликультурных регионах.

Если еще несколько лет назад основной угрозой для социокультурной среды были процессы универсализации, присоединение к которым воспринималось с позитивной стороны, то сегодня мы становимся свидетелями противоположных явлений, связанных с желанием максимально дистанцироваться, провести четкие границы между культурами с целью сохранения уникальности и культурного разнообразия. Излишняя, а в некоторых случаях, и извращенная, демократизация общества, попытки сохранить неповторимость собственных культурных паттернов, растворяющихся под влиянием глобальных процессов, а также фанатичное желание «защитить» культуру от внешних воздействий приводят к состоянию межкультурной напряженности, агрессии и становятся фундаментом для проявлений экстремистского характера [1]. В связи с этим, на современном этапе развития общества необходимо обеспечить контроль над появлением и развитием радикальных настроений в культуре, изучение которых имело опосредованный характер.

Данным тезисом и обусловлено проведение исследования, целью которого является изучение специфики радикальных проявлений в

сфере национальной культуры, являющихся основой для развития экстремистских проявлений. Основные задачи — представить суть радикализма и экстремизма, специфику проявлений радикального характера в культуре, а также рассмотреть национализм как основу для развития экстремизма.

Обычно радикализм подвергают анализу преимущественно с точки зрения социально-политических явлений. В частности, данной теме посвящены работы Н. Бааль, С. Буткевича, Р. Гетца, Е. Кубякина, В. Пономаренкова, Е. Пролетенковой, М. Яворского, достижения которых были учтены в процессе исследования. Вследствие этого, под радикализмом понимается «...совокупность идей и действий, направленных на решительное, кардинальное, глубинное («коренное») изменение существующих социальных отношений и политического строя» [2, с. 9], а также «стремление к решительным методам и действиям» [3, с. 328]. По своей сути радикализм не является крайним экстремистским течением, а скорее представляет собой обобщенное выражение взглядов, неумеренного толка, однако говорить об отсутствии прямой зависимости между радикализмом и экстремизмом нельзя. Именно резко радикальные взгляды лежат в основе экстремистской деятельности, формируя её идеологическую основу.

Если исходить из того, что экстремизмом следует считать определенную деятельность, основанную на идеологии, которая заключается в отрицании всякого инакомыслия и стремлении жестко утвердить свою систему взглядов, навязать её любыми способами, то в контексте темы исследования следует согла-

ситься с В. А. Пономаренковым и М. А. Яворским, которые понимают под экстремизмом «насильственные и (или) противоправные деяния, совершаемые по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, а также призывы к таковым деяниям» [2, с. 42].

Современный радикализм в сфере культуры, способный стать основой экстремистской деятельности, на наш взгляд, представлен в нескольких проявлениях: расовом, национальном и этническом. Что же касается протестных настроений в области религии, то сегодня они представляют собой уже экстремистские проявления. Безусловно, радикальные настроения в культуре не исчерпываются данными проявлениями, подразумевая реализацию крайнеидеологических идей и протестов также в искусстве. Но если религиозный экстремизм — широко распространенное явление, а радикализм в искусстве связан, скорее, с творческим поиском, то протесты на почве национальных особенностей имеют только радикальный характер и в контексте развития экстремизма представляют наибольшую опасность, поскольку их формирование в современном обществе находится в зачаточном состоянии и может проявиться в любой момент.

Исходя из того, что нация — «совокупность людей, объединенных наличием общего отечества» [5, с. 350], национальная культура направлена на обеспечение потребностей определенного народа, имеющих неразрывную связь с политическими процессами. Учитывая политическую ангажированность явления экстремизма, наибольшую опасность представляют как раз идеи, связанные с национальным подтекстом. С идеологической

точки зрения, подобная градация, во-первых, способна обеспечить широкий спектр субъектов экстремизма, а во-вторых, придает фундаментальность конфликтным идеям и разногласиям. При этом характер данных проявлений может проявляться, с одной стороны, в абсолютизации собственной культуры, а с другой — с позиции нивелировки каких-либо культурных отличий. С точки зрения развития экстремизма, опасность в себе несут оба способа проявления, так как первый напрямую является его источником, а второй — создает благоприятные условия для его развития.

Радикализм культурного толка напрямую связан с политическими процессами. В частности, его проявления сегодня рассматривают как следствие развития фашизма, а распространение происходит с помощью деятельности политических организаций правого толка. Фашизм можно рассматривать как правэкстремистское течение, пропагандирующее радикальные идеи относительно расового превосходства отдельной части населения. Он возникает в противовес политической плюралистичности и неоднозначности ориентиров, выбранных руководством стран, а также вследствие отсутствия волевого лидера в государстве. Успех развития фашизма был обусловлен сочетанием идеологии, теории и практики, что подразумевает разработку концепции неравенства народов. Кроме того, привлекательность фашизма заключается в его стремлении к установлению порядка и дисциплины [6, с. 304].

Если проанализировать условия возникновения фашизма в Италии и Германии, то можно сделать вывод о том, что он стал следствием рево-

люционных настроений [3, с. 381]. Несмотря на национальные особенности, фашизм везде выражал преимущественно интересы капиталистических слоев общества, которые способны были оказывать финансовую поддержку. Идеологическую основу фашизма составляют расизм, шовинизм, «доведенный до истерии, возвеличивание тоталитарного государства, несущего ответственность как в физическом, так и в духовном смысле за индивидуальные судьбы и «беспощадно пресекающего какое-либо посягательство на единство нации» [3, с. 382].

После окончания Великой Отечественной войны и победы над фашизмом ультраправые объединения националистического характера, естественно, потеряли свою былую популярность и вплоть до начала XXI века мировым сообществом рассматривались как угроза глобальных масштабов. Однако в современных условиях создается благоприятная почва для нового витка их развития. Возникновение фашизма и нацизма, как идеологии правящей в 1933-1945 гг. партии Германии, было обусловлено стремлением поддержания духа народа в критических с экономической и политической стороны ситуациях. Кроме того, внушение населению идеи собственного превосходства способно переключить внимание от реальных проблем. И в этой ситуации культура используется в качестве манипулятивного элемента. Несмотря на поучительность исторических событий, в современном обществе данные идеи получают все большую популярность. Сегодня в тесной связи с фашистской идеологией находится национализм, хотя изначальной целью националистов, как правило, является вос-

становление равенства между народами и консолидация нации. Исходя из этого, русский философ Н. Бердяев разграничивал агрессивный и творческий национализм, которые отличаются деструктивным характером — в первом случае, и созидательным — во втором.

Главным инструментом реализации современной националистической идеологии становится культура. Искажение исторических фактов, попытки внушения населению превосходства своего народа, искусственное разжигание социальных и межкультурных конфликтов становятся особенно актуальными во время кризиса, поскольку, с одной стороны, отвлекают общество от насущных реальных социальных проблем, а с другой, позволяют легче управлять дезориентированной толпой.

Таким образом, фундамент радикализма в культуре составляет агрессия, которая представляет собой реакцию субъекта на состояние фрустрации, подразумевающее невозможность удовлетворения определенных потребностей. Агрессия в культурологическом аспекте проявляется в виде активной борьбы культурного образования (преимущественно нации или этноса) против дискриминации, за сохранение самобытности и уникальности на фоне рассуждений о примитивности других культур, недостаточном национальном единстве, их внутренней разобщенности и недолговечности, виновности других народов в своих неудачах, манипулирования историческими фактами для обеспечения собственных интересов, формирования национальных гетеростереотипов негативного характера.

Так называемый агрессивный национализм можно наблюдать в со-

временной Украине. Вопрос о сформированной украинской нации до сих пор со стороны науки остается открытым, а политические события после ноября 2013 года наглядно продемонстрировали существование политического и культурного раскола внутри государства, что проявилось в разделении общества на приверженцев и противников прозападной модели развития.

Государственный переворот, активное внешнее воздействие на политику и культуру, а также раскол общества привели к активному обращению к лозунгам о единстве страны и внушении данной идеи даже на фоне кровопролитной гражданской войны. При этом экономические и политические проблемы отодвигаются на второй план. Идеи национализма, как почва для развития экстремистских проявлений, находят отражение в активном насыщении повседневной жизни национальной символикой (раскрашенное в цвета флага фортепиано, размещенное на майдане «незалежности» в Киеве, воспринимаемое как символ революции, свободы и демократии), спекуляции на тему «особенной» истории (идеи о существовании «великих укров»), культурном превосходстве, культивировании жертвенного образа и постоянном пребывании в состоянии борьбы (за независимость, против угнетения). Кроме того, описанные процессы затронули и религиозную сферу. Свидетельство этому — явные черты идеологов украинского национализма и бойцов из «зоны АТО», изображенных в фресках одного из храмов Украинской Греко-Католической Церкви Львова, а также идущие на Страшный Суд фигуры, представляющие собой негативный стереотипный образ русских.

Данные явления нашли отражения в культуре, отнюдь, не случайно. В ситуации разобщенности единственным объединяющим фактором может стать именно опора на культурные особенности. Учитывая тот факт, что исконно украинская культура на протяжении всего своего развития формировалась в тесной связи с русской, резкое прерывание связей возможно лишь с помощью формирования образа «врага» и развития агрессивных настроений.

Таким образом, деструктивный национализм неразрывно связан с развитием агрессии. В значительной части случаев агрессия возникает как реакция субъекта на невозможность удовлетворения какой-либо потребности (фрустрацию) и сопровождается эмоциональными состояниями гнева, враждебности, ненависти и т. д., проявляющимися в деструктивных действиях. В отношении к Украине, скорее всего, это потребность в единстве нации, признании самостоятельности государства международным сообществом. Дальнейшее развитие агрессии подразумевает переход в состояние тревоги, в конечном итоге, приводящее к деградации нации, её «духовному опустошению». В свою очередь, экстремизм на межкультурной почве подразумевает осуществление деятельности, направленной на бескомпромиссное отрицание равенства всех культур и традиций, в основе которой лежит идея радикальной исключительности собственной культуры и её компонентов.

На основе проведенного анализа, можно заключить, что развитие экстремизма на почве культурной принадлежности связано с процессами унификации, подразумевающими попытку создания единой культурной модели. Корни данной проблемы

лежат в современных процессах глобализации, которые неоднозначно воспринимаются различными культурными образованиями. Навязывание всеобщих стандартов, создание шаблонной культуры, призывы к отказу от традиционных ценностей приводят к вполне закономерным попыткам носителей национальной культуры защитить свои традиции, дистанцировавшись от глобальных тенденций. Одним из методов защиты является агрессия, направленная на носителей других национальных культур.

Значительно усложняют ситуацию и еще больше разобщают национальные культуры современные политические организации праворадикального характера, которые воздействуют на общественное со-

знание посредством культуры, используют не столько механизм культивирования любви к национальным традициям, а воспитывают поколения фанатиков, превратно понимающих историю своего народа, который рассматривается, в основном, преимущественно с позиции чрезмерной уникальности и превосходства над другими. В целом, любовь к родной культуре — естественное явление, но радикализм проявляется не столько в любви к культуре (не всегда родной), а скорее за счет преуменьшения значимости другой. В связи с этим, предупреждение радикализма в национальной культуре является необходимым условием для обеспечения согласия и мирного взаимодействия различных культур.

1. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения / С. А. Буткевич, А. А. Коноплева // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. №1(19). — С. 76 — 83.

2. Боровая С. А., Гаврилова Т. В., Ткач Е. В. Экстремизм в современном обществе: сущность, формы проявления, пути противостояния: Учебное пособие / С. А. Боровая, Т. В. Гаврилова, Е. В. Ткач. — М. : ДГСК МВД России, 2014. — 192 с.

3. Политология. Энциклопедический словарь / Общ. редакция и составление Ю. И. Аверьянов. — М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. — 431 с.

4. Пономаренков В. А., Яворский М. А. Сущностная характеристика современного экстремизма / В. А. Пономаренков, М. А. Яворский // Юридический мир. — 2008. — № 2. — С. 41 — 43.

5. Словарь философских терминов / Научная редакция В. Г. Кузнецова. — М. : ИНФРА-М, 2004. — 731 с.

6. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Народы и культуры // Редактор тома Ричард Хоггарт. — М. : Издательский Дом «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2002. — 416 с.

The paper is devoted to radicalism studying as basis for extremism development. The reasons and specifics of formation of radical moods in culture are considered, the modern manifestations of these social phenomena are analyzed.

Key words: radicalism; extremism; nationalism; culture; fascism.

УДК 7.01

Е. В. Солодилова

Эстетическая инкультурация

Изучение молодежью эстетики является необходимой составляющей инкультурации современной личности. Процесс инкультурации рассматривается через приобщение человека к изучению видов искусства и непосредственному участию в эстетической деятельности, что предполагает обучение эстетической оценке и вынесению эстетического суждения.

Ключевые слова: инкультурация; эстетическая инкультурация; личность; индивид; социум; эстетическая деятельность; эстетическая оценка.

Современные условия жизни требуют от человека придерживаться факторов, основными из которых являются конкуренция и становление рыночных отношений, они и побуждают обновление новых требований к формированию личности. Ответственность перед социумом и природой, профессионализм и личное отношение к объектам действительности определяют новый взгляд на воспитание и становление личности, выдвигают человеческую деятельность на одно из первых мест в производственной и социальной сферах общества, в философии, эстетике и культуре.

Культура связана многочисленными узлами с эстетикой. Будучи системой, которая обучает человека основным эстетическим категориям, она дает возможность современной молодежи приобщиться к старым культурным традициям, стать носителем определённого образа жизни, системы знаний и ценностей. Необходимость оптимизации культуросозидающих функций эстетики, её ориентации на воспитание «человека культуры», способного активно реализовывать себя в быстро меняющихся условиях современного общества, определяет значимость исследования пробле-

мы инкультурации личности. Среди многочисленных дисциплин учебного цикла именно эстетика отвечает заявленным целям. Об этом неоднократно свидетельствуют исследования таких учёных, как Е. Барыбиной, Г. Даниловой, Ц. Дугаровой, Н. Крыловой, Т. Стефаненко, И. Сухининой, Ю. Шубина.

Изучение данной философской дисциплины развивает толерантное отношение к миру, как единству многообразия, а эстетическое восприятие действительности позволяет более качественно оценить потенциал культуры, её уникальность и значимость. Проблемное поле эстетики даёт молодёжи прекрасный материал для «строительства» личного вектора развития, самоидентификации, а также для чувствительного осознания своей национальной и культурной идентичности. Развивающий потенциал эстетических категорий связан с мировоззренческим характером самого предмета, на основе которого моделируются различные исторические и региональные системы мировоззрения, воплощенные в ярких художественных образах.

Эстетические способы освоения действительности, в первую очередь, направлены на усовершенствование процесса инкультурации личности: развитие чувств, эмоций, образно-ассоциативного мышления и художественно-творческих способностей, воспитания эстетического вкуса для удовлетворения потребности в освоении ценностей мировой культуры, приобретение знаний про стили и направления мировой художественной культуры, про вершины художественного творчества в отечественной и зарубежной культуре, овладение навыками анализировать произведения искусства, осуществлять эстетическую оценку их худо-

жественных особенностей, формировать и высказывать эстетические суждения, использовать приобретенные знания та умения для формирования личной культурной среды.

Инкультурацию принято определять, как процесс придания личности общей культурной компетентности по отношению к стандартам того общества, в котором она живет [1]. К ним относятся, прежде всего, системы ценностных ориентаций и предпочтений, принятых в обществе, этикетных норм поведения в различных жизненных ситуациях, определённые знания в области национальных и классовых традиций, господствующей морали, нравственности, мировоззрения, обычаев, обрядов, культурной истории данного народа, основных символов национального достоинства и гордости. Иначе говоря, общая культурная компетентность, которая приобретается индивидом в процессе инкультурации, предполагает овладение им достаточно большим объемом знаний и социального опыта через практическую деятельность в составе различных социальных групп. Способы и средства овладения индивидом всеми этими многочисленными знаниями сосредоточены в основном в домашнем воспитании и в общем образовании, а кроме того во всей совокупности социальных контактов личности с её окружением.

Процесс инкультурации индивида начинается с детства и заключается в освоении определенных стандартов действий, которые он сначала просто наблюдает, позже пытается воссоздать, а на заключительном этапе делает самостоятельно и даже может придумать сам. Определенные пути, ориентиры, стандарты даются в семейном кругу и принадлежат к культуре самого индивида.

Окончательный процесс культурной идентификации ему необходимо будет пройти самостоятельно достигнув определённого возраста.

Первичные процессы инкультурации наблюдаются в обучении малыша употреблять определенные продукты питания, присущие данной культуре. Использование столовых приборов сначала применяются в игровой форме, возможно с использованием специальных игрушек для обучения, привлечение других героев данного цикла, которые смогут в игровой форме обучить ребенка использовать предметы по назначению. Традиции употребления пищи с помощью столовых приборов практикуются не во всех культурах и задача индивида научиться толерантно относиться к культурам, которые не считают это обязательным для своей культуры.

В период взросления индивид знакомится с обычаями своей культуры, пытается использовать их в своей личной жизни. Первой ступенью является овладение национальным языком, который отличает его от других культур и дает определённую уникальность. Вхождение в культуру, усвоение её ценностей позволяет индивиду формировать развитие эмоциональной сферы личности, высокие эстетические ценности, создает условия для усовершенствования искусства ведения диалога с разными представителями социума, оформлять результаты своей деятельности, которая может быть направлена на изучение культурных ценностей. Этот процесс позволяет не только изучать творческую деятельность представителей различных культурных эпох и эстетических стилей, но и самостоятельно принимать участие в культуросозидающей деятельности.

Примером культуросозидающей деятельности могут быть проекты, направленные на изучение эстетического достояния культуры родного города, страны, района и т. д. Работа индивида может быть обозначена не только выбором темы исследования, а также конкретным видом творчества, например исследователя, художника, редактора, оратора и т. д. Кроме этого индивид имеет возможность самостоятельно определить конечный продукт своей деятельности, например знания, как определенный продукт творчества. Для этого деятельность должна быть чётко обозначена определённым стандартом действия: во-первых, объяснить самому себе выбор определенного вида творчества, найти и описать его происхождение, во-вторых, найти основные материалы для работы, создания определённого продукта творчества, в-третьих, перечислить качества, которыми должна обладать творческая личность и определить место данного продукта в современном мире путем эстетической оценки и высказыванием эстетического суждения.

В процессе исследования индивид обучается не только создавать продукт определённого вида искусства, но и давать ему эстетическую оценку со стороны структуры, наполнения, оформления, т. е. реализовывать особенности эстетической оценки в полной мере. В процессе реализации своих личных эстетических потребностей индивид сталкивается с определением как достоинств, так и недостатков работы творца. К основным достоинствам, бесспорно, относится его личная возможность созидать культуру, проявлять свои творческие возможности. Однако недостатком самостоятельной культуросозидающей деятельности может стать отличие первоначально запланиро-

ванного результата деятельности от конечного.

Возможность избегания подобных недостатков заключается в том, что инкультурация личности современной молодежи в большой степени может состояться с привлечением её к изучению эстетики. Этому способствует не только специфика данного раздела философии, способного развивать чувства, эмоции, образно-ассоциативное мышление и художественные способности. Метод самостоятельного привлечения к культуросозидающей деятельности позволяет развивать способности индивида к самооценке, к взаимодействию с другими представителями социума без конфликтов, к культуре ведения диалога и оформления результатов индивидуальной деятельности. Это позволяет индивиду во время исследования эстетических ценностей не только усовершенствовать личную культуру, а и принимать участие в инкультурации других представителей культуры во время демонстрации своих творческих достояний. Это в свою очередь может способствовать появлению конкуренции между участниками инкультурации и создает условия для адекватной конкуренции творцов. К тому же эстетическая сущность человека, его природы получает наиболее полное выражение собственного Я, поскольку во время культуросозидания отсутствует утилитаризм и каждый участник становится обладателем не материальных, а символических благ.

Привлечение индивида в процессе инкультурации к эстетическим ценностям дает большие возможности для самовоспитания, самосовершенствования, самосоздания личности, особенно в моральном и эстетическом планах. Именно эстетическая

деятельность, направленная на создание эстетического объекта, имеет в основе долгую напряженную работу, самоограничение, возможность сравнивать свои качества со способностями других, преодолевать себя и достигать новых результатов. Ведь инкультурация должна быть направлена не только на освоение определённого стандарта действий в данной культуре, но и связана с активностью индивида по созданию им новых культурных форм.

Говоря про процессы инкультурации, нужно отметить, что в эстетической деятельности моделируются жизненные ситуации, в которых оказывается человек, к тому же в концентрированной форме. Эстетическая деятельность индивида всегда эмоционально насыщена, что ускоряет действие психологических механизмов, связанных с адаптацией человека к окружающим условиям, с активной позицией, направленной на повышение личного статуса.

Индивид в процессе эстетической деятельности, к её символам и образам добавляет образ своего Я, к тому же его жизнь в большинстве случаев строится под воздействием данного отображения. Конечно, самоидентификация может иметь ложный, иллюзорный характер. Это состояние крайне болезненное для индивида, ведь нахождение в мире иллюзий рано или поздно заканчивается тем, что ученые называют «кризисом идентичности». Эстетика создает среду для отработки человеком адекватных культурных и морально-психологических качеств, необходимых для самоопределения в социуме, даёт возможность ответить на вопрос про свое бытие сегодня и завтра, определить перспективы для своего усовершенствования, движения к оптимальному своему Я результату.

Во время эстетической деятельности самоидентификация личности, удовлетворяя определённые эстетические потребности людей, имеет перманентный характер и представляет собой периодические попытки индивида найти в социокультурном пространстве себе подобных и отнести себя к ним.

В современном социуме возникают новые ценностные установки, которые стимулируют развитие эстетической деятельности индивида, массовизацию различных видов искусств, становление связей между эстетической и политической, экономической, культурной жизнью общества.

Эстетические категории превращаются в новый социокультурный механизм, с помощью которого становится возможным заполнить те культурные «пробелы», которые образовались в ходе уменьшения роли традиций и традиционных ценностей в сознании людей. Именно эстетика с точки зрения красоты оказывала интегрирующее воздействие на модернизирующее общество, передавая новые ценности, моральные установки, представления о прекрасном и безобразном, возвышенном и низменном.

Современная эстетика в значительной степени многофункциональна и разнообразна, что не даёт возможность определить её формально. Всеохватывающий характер эстетики как философского направления означает, что современная культура, используя механизм эстетической деятельности от начала и до конца, на всех стадиях её проявления, проникает во все области общественного организма, транслируя новые ценности и смыслы.

Необходимо отметить, что в процессе эстетической инкультурации происходит репрезентация

ценностных установок различных слоев общества. В культуре постиндустриального общества понятие прекрасного, как одной из ведущих категорий эстетики, часто приобретает относительный характер и не всегда становится необходимым условием самоидентификации личности в культуре. Хотя, безусловно, концепт красоты должен быть чётко обозначен для каждой конкретной культуры, чётко представлен в человеческом сознании для быстрой самоидентификации. Тут необходимо указать на значимость национального костюма для каждой культуры. С помощью приобщения к культурному наследию через возможность самостоятельного использования достоинств национальной культуры, эстетическая инкультурация может проявляться в своих зримых, вещественных формах, в т. ч. системе национального костюма, используя его символику не только на праздниках, но и в повседневной жизни. Это не означает, что человек использует ограниченную модель национальной культуры, возможности эстетической инкультурации реализуются во всей полноте только при условии смысловой наполненности сознания индивида образами своей культуры.

Отметим, что совмещение существующего образа представителя конкретной культуры в сознании индивида, находящего на стадии инкультурации, накладывается на реальный опыт общения с ключевой фигурой системы инкультурации — носителем культуры. Эмоциональное, когнитивное отношение к своей культуре отличается динамичностью не только у детей, но и у взрослых. Эта динамика отмечается различными стадиями инкультурации. Первичная эстетическая инкультурация проявляется в

процессе наблюдения и восприятия образцов эстетической деятельности, вторичная же стадия связана с процессом индивидуальной культуроросозидающей деятельности.

Различные виды и особенности художественно-творческой деятельности оказываются своеобразным культурным индикатором, фиксирующим принадлежность индивида к той или иной социальной или культурной группе. Так, для людей, находящихся на вершине социальной лестницы характерно занятие теми видами эстетической деятельности, которые требуют специальных дорогостоящих инструментов, тогда как групповые виды творчества менее затратны.

В процессе эстетической инкультурации могут образовываться собственные субкультуры, содержащие ценности, отличающиеся от общепринятых, от базовых ценностей социокультурной системы. В рамках этих субкультур могут возникать девиантные формы творчества, продуцирующие и транслирующие в обществе внеправовое отношение к официально признанным правилам.

Развитие индустриального общества существенно изменило процесс эстетической инкультурации: из в определенной степени стихийного феномена он превращается в планомерно организованный процесс. В рамках индустрии эстетической

сферы происходит не только производство, но и принятие и распространение определённых образцов творчества и образов современного человека. Эстетическая инкультурация представляет один из сопутствующих моментов становления общества массового потребления. мода становится системой целенаправленных процессов по созданию, распространению и приобщению большого количества людей к постоянно меняющимся стандартам эстетической деятельности и внешним формам проявления своей культурной самоидентификации.

Итак, эстетическая инкультурация должна давать возможность выхода внутренней природе человека, не загоняя её вглубь и не нанося болезненных ударов. спонтанное проявление личности в открытом, свободном самовыражении связано с процессами самоидентификации. Формализация приобщения к культурным традициям, скорее всего, выражается в страхе перед неконтролируемой внутренней жизнью индивида. Таким образом, соединение в гармоничном единстве двух миров (внутреннего Я и социального мира) связано с раскрытием эстетического потенциала личности и обязано способствовать реальному утверждению самостоятельности личности.

1. Дугарова Ц. Д. Инкультурация личности в современной национальной школе / Ц. Д. Дугарова : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01: защищена в 2004 г. / Дугарова Цырегма Доржиевна. — Чита, 2004. — 167 с.

турологии: 24.00.01: защищена в 2004 г. / Дугарова Цырегма Доржиевна. — Чита, 2004. — 167 с.

A study of youth aesthetics is a necessary component of inculturation modern personality. The process of inculturation is seen through the communion of man in the study of arts and direct participation in the aesthetic activity, which involves the training of aesthetic evaluation and making aesthetic judgments.

Key words: *inculturation; aesthetic inculturation; the identity; the individual; society; aesthetic activity; aesthetic evaluation.*

УДК 130.2 (316.6)

Е. В. Катунина

Медиация в аспекте коммуникативной культуры как метод разрешения конфликтов

В статье предпринята попытка рассмотреть актуальный на современном уровне коммуникативной культуры метод альтернативного (внесудебного) разрешения конфликтов — медиации. Суть медиаторства заключается в том, что в разрешении конфликта принимает участие третья, беспристрастная, нейтральная сторона — медиатор (посредник). Основные принципы медиаторинга: конфиденциальность, добровольность, сотрудничество, открытость, равноправие сторон, профессиональность медиатора и т.д.

***Ключевые слова:** медиация; медиаторинг; медиатор.*

Актуальность темы обуславливается изменениями, происходящими в коммуникативной культуре современного общества. Характерной чертой этих изменений является плюрализм, т. е. допущение одновременного сосуществования разнообразных точек зрения. Однако это различие в свою очередь выступает источником конфликтов. Конфликты пронизывают всю сферу социальных отношений, как на межличностном уровне, так и в деловых отношениях. Специалисты считают, что конфликт является источником развития, т. к. он указывает на про-

блемные аспекты в отношениях. Задача — дифференцировать конструктивное и деструктивное начало в конфликте. Сфера деловых отношений предполагает активный поиск методов разрешения конфликтов с наименьшими потерями для сторон — участников с целью эффективного развития культуры этих отношений.

Традиционное (правовое—судебно-арбитражное) разрешение конфликтного спора предполагает для его субъектов определенные роли: «истец» — «ответчик», что не всегда устраивает одну из сторон, а вер-

дикт суда зачастую травмирует «Я» участников, нанося им моральный ущерб. Как правило, после суда стороны разрывают личные отношения. Модернизация культуры деловых отношений, общая тенденция к профессионализации различных сфер, где имеется экспертное (отличающееся от житейского) знание, привела к тому, что выделилась новая профессиональная область — медиация, или посредничество в ситуации конфликта. Медиаторинг — альтернативная (внесудебная) система разрешения конфликтного спора. Его не следует путать с арбитражным судом. Хотя, как в отношении медиаторинга, так и в отношении арбитражного суда часто употребляется понятие «третейский суд».

Институт медиации основан на разрешении конфликта с участием третьей нейтральной и беспристрастной стороны — медиатора (посредника). Медиаторинг осуществляется на основе следующих принципов: конфиденциальность, доверие, сотрудничество (а не конфронтация), добровольность, открытость (прозрачность), равноправие сторон, профессиональность медиатора и др.

Целью данного исследования является анализ медиации в аспекте коммуникативной культуры как метода внесудебного разрешения конфликтов в деловых отношениях; определение факторов, препятствующих внедрению медиации в практику урегулирования конфликтов; выявление наиболее приемлемых моделей медиаторинга. Для этого необходимо рассмотреть сущность медиации как альтернативной (внесудебной) системы разрешения конфликтного спора; определить принципы указанной процедуры; проанализировать основные модели медиаций.

На рубеже XX–XXI вв. в мировой и отечественной науке проблемам медиаторинга (посредничества) уделяется достаточное внимание. А. Майер, В. Мастенбрук выделяют в медиаторинге коммуникативный аспект: посредничество — процесс трехсторонних переговоров с целью достижения общих соглашений между конфликтующими сторонами; К. Аргурис, Ю. Запрудский, О. Янг рассматривают медиаторинг как процесс урегулирования конфликтов между лицами, группами или политическими организациями в целях помощи решения спорных вопросов и урегулирование конфликтов; В. Зорькин, В. Круцких и А. Сухарев считают посредничество одним из мирных средств разрешения международных споров, а согласие сторон-участниц конфликтного спора является его обязательным условием. Особое внимание заслуживают работы к. психол. н. О. В. Аллахвердовой «Медиация как способ анализа субъектно-бытийного поля конфликта», «Медиация», «Медиация как социально-психологический феномен». В статьях подробно рассматривается сущность медиации, анализируются основные функции медиатора и его роль в достижении успеха в урегулировании конфликта. О. В. Исаенкова в работе «Развитие медиации в Российской Федерации: проблемы и перспективы» определяет положительные и отрицательные моменты внедрения процедуры медиации в правовую действительность Российской Федерации, определяет принципы медиации и критерии оценки возможности применения опыта в области медиации других государств. С. К. Загайнова анализирует современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России.

А. В. Литвинов в работе «Введение в медиацию» указывает, что медиация — институт права, основанный на разрешении конфликта с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны — медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения [1]. Медиатора признают обе стороны. В результате достигнутого соглашения выигрывают все. Сохраняется уважение и укрепляется автономия участников конфликта. Медиация помогает избежать утомительных судебных разбирательств.

Медиация имеет древнюю историю, уходящую своим корнями в Вавилонское царство, Финикию, Древний Китай, а также античные государства. Однако современная медиация актуализируется с середины XX в. Ареалом её изначального распространения выступают Соединённые Штаты, Великобритания, Австралия и позже — Западноевропейский регион. Существуют различные школы (Американская, Австралийская, Британская, Голландская и др.), которые по-разному интерпретируют сущность института медиаторинга.

Востребованность медиации в западных странах настолько актуальна, что международные сообщества и организации выработали нормативно-правовую базу, призванную регулировать посредническую деятельность. Например, в 2002 году комиссией ООН по международному торговому праву был разработан Типовой закон о медиации (UNCITRAL «ON INTERNATIONAL COMMERCIAL

CONCILIATION») и рекомендован Генеральной Ассамблеей ООН относительно его внедрения, а в мае 2008 года ЕС разработал и ввел в действие правила поведения трансграничной медиации в Директиве Европейского парламента и Совета 2008 \52 \ЕС от 21. 05. 2008 г. «Об определенных аспектах медиации в гражданских и коммерческих спорах (директива о медиации)». Правовые нормы ЕС призваны способствовать принятию правил поведения и проведения обучения медиаторов в государствах членах ЕС [2].

Европейский свод правил поведения медиаторов (англ. European Code of Conduct for Mediators) был разработан группой заинтересованных лиц при поддержке европейской комиссии и введён в действие в июле 2004 года. Свод правил поведения устанавливает основные принципы, которым могут следовать частные медиаторы. Эти принципы относятся к компетенции, назначению на должность, оплаты услуг медиатора, независимости и беспристрастности медиатора, нормам и правилам конфиденциальности.

На рубеже XX-XXI вв. Россия, Казахстан, Беларусь также активно внедряют программы медиаторинга. Федеральный закон Российской Федерации «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27.07.2010 г. (далее — «Закон») устанавливает правовые условия для решения конфликтных ситуаций с помощью медиации. Действие Закона распространяется на споры, возникающие из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также

споры, возникающие из трудовых и семейных отношений [3].

О. В. Аллахвердова указывает, что медиация представляет собой такой вид коммуникации, который можно отнести к когнитивно новому ведению диалога, обеспечивающему безоценочность высказываний, расширение смыслового поля диспутантов и снижение эмоционального напряжения при его наличии. Одним из важных психологических феноменов медиации является снижение влияния таких мощных психологических механизмов при восприятии партнера, как стереотипизация, упрощение, эгоцентризм и т. п. Происходит осознание индивидуальности и уникальности собеседника [4].

В международном конфликтом менеджменте используются различные модели медиаторинга в зависимости от той сферы, в которой происходит конфликт, а также целей проведения медиации, сущностных компонентов данных моделей. В частности, нарративная медиация (*narrative approach*) основана на убеждении в том, что медиаторы и участники конфликта оказывают продолжительное влияние друг на друга в ходе диалога, то есть сам процесс выглядит как процесс, в ходе которого участники излагают свой взгляд на происходящее [5, с. 362].

Как указывает А. Г. Карабаева: «Доминантной структурой и формой организации научного знания в рамках личной коммуникации является живой разговор собеседников, диалог. Нарративы определяют критерии компетентности, оценивают достигнутые результаты. Через рассказ передается набор прагматических правил, хотя нарратив, в свою очередь не связан с одной только

функцией высказывания. Нарративы определяют то, что говорится и делается в культуре, и поскольку они сами составляют её часть, то тем самым оказываются легитимированными. Риторические стратегии и выборы становятся коррелятивными социальным смыслам, приверженностям и ценностям культуры, языковой компетентности, ключевым компонентом которой является способность рассказывать, пересказывать, слушать и понимать истории, а также способность к аргументации, оценке, объяснению» [6].

В процессе медиаторинга специалист-медиатор помогает участникам быть услышанными друг другом. Он участвует, так сказать, сопровождает их в процессе общения, помогая (в силу своей компетентности и профессионализма) абстрагироваться от негативных эмоций и прийти к обоюдовыгодному соглашению. В этом направлении работает трансформативная медиация.

Достаточно важным в контексте коммуникативной компетентности является подход, получивший название «Медиация, основанная на понимании». Главная цель этого подхода заключается в разрешении спора посредством понимания, так как более глубокое понимание сторонами их собственных перспектив, приоритетов и интересов, как и перспектив, приоритетов и интересов всех других сторон, делает их способными совместными усилиями преодолеть возникший между ними конфликт. В рамках данного подхода ключевое значение имеет ответственность сторон за те решения, которые они принимают. Такой подход предполагает, что именно сами участники, а не профессионалы, наиболее полно представляют себе суть спора и имеют наилучшие возможности

найти решение. По нашему мнению, вышеперечисленные модели являются наиболее оптимальными при проведении процедуры медиации.

Однако, в связи с существующей ментальностью общественного сознания, а точнее, его инертностью, процедура медиации часто встречает определенные проблемы в реализации. Сложности эффективного применения медиаторинга в разрешении конфликтных споров заключаются в недостаточности культурной компетентности граждан, участвующих в деловом общении. Коммуникативные барьеры мешают сторонам адекватно воспринимать друг друга в качестве участников диалога. Даже конструктивная критика может задеть (оскорбить) достоинство оппонента. Эмоциональная составляющая блокирует

понимание и осознание критических замечаний. Социально-культурными трудностями, которые мешают осуществлению медиации, выступают также: неумение идентифицировать себя с партнером по деловому общению, недостаточная эмпатийность и рефлексия, действие механизмов психологической защиты и т. д. и, как уже отмечалось выше, перцептивные диссонансы. Помимо вышеперечисленных факторов, широкому применению медиации на практике разрешения конфликтов в деловых отношениях, мешает низкая информированность граждан о процедуре медиаторинга, его преимуществах перед судебным разбирательством, а также правовой нигилизм граждан, низкий уровень коммуникативной культуры.

1. Литвинов А. В. Введение в медиацию : [Электронный ресурс] : Режим доступа : http://samlib.ru/l/litwinow_aleksandr_walentinowich/med1.shtml

2. Законодательство, связанное с работой медиатора : [Электронный ресурс] : Режим доступа : http://arbimed.ru/zakonodatelstvo_o_medi

3. Загайнова С. К. Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России : [Электронный ресурс] : Режим доступа : <http://zakonirus.ru/publ/15-1-0-325>

4. Аллахвердова О. В. Психологические феномены и парадоксы медиации : [Электронный ресурс] : Режим доступа — <http://www.sudexp.org/publ/21-1-0-948>

5. Катуніна О. В. Медіаторінг як механізм системи менеджменту конфліктів / О. В. Катуніна, Н. Ю. Ассау. // Соціально-економічне розвиток АР Крим: проблеми і перспективи. — Сборник научных трудов. — Выпуск №7. — Симферополь : НАПКС, 2013. — С. 361-362.

6. Карабаева А. Г. Нарратив в науке и образовании. // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Серия "Symposium". — Вып. 29. — СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — С. 89–96 : [Электронный ресурс] : Режим доступа — http://anthropology.ru/ru/texts/karabaeva/educinnov_11.html

In this article the method of alternative (extrajudicial) Conflict Resolution — Mediation. The essence of mediation is that the resolution of the conflict is involved impartial third, neutral party — the mediator (the mediator). Basic principles mediatoring: confidential, voluntary, cooperation, openness, equality of parties, professional mediators, etc.

Key words: mediation; mediatoring; the mediator.

УДК 378:372.881.1=811.111-26

V. S. Burova

Social Cultural Competence Formation at Foreign Language Classes at Non-Language Specialities in Higher Educational Establishments

The article is devoted to the formation of social cultural competence in the process of learning a foreign language, in particular the English language, in higher educational establishments. It is studied the aspects of formation the student's person with the help of learning the foreign languages. It is underlined the necessity of learning foreign language because social cultural competence is a condition for the successful dialogue of cultures. In the article methods and receptions, systems of exercises, are examined for forming of social cultural competence.

Key words: *competence; culture; society; social cultural competence; communication; intercultural communication.*

Statement of the problem

Now Russia interacts with other countries in all living spheres, and the role of a foreign language in expansion of the sphere of the international cooperation causes need to define and scientifically to prove the ending result of learning of foreign language. A social cultural competence supposes the overvalue of role of professional competence of graduating student.

According to Yelizarova G. V. «Social cultural competence represents totality of the certain knowledge, skills, abilities, abilities and

qualities formed in the course of formal or informal language preparation for cross-cultural communication» [3, page 168], (V.S.B.).

The purpose of training in a foreign language on not language specialties in higher education institution training as that which gives pragmatic knowledge, skills, but also comprehensive education of the personality doesn't have to be simple.

Relevance is caused by need to prepare students for cross-cultural communication, to cultivate feeling of mutual understanding, the adequate relation to true values, to respect the country and

the people of the learned foreign language, its culture and traditions.

Research objective: definition and justification of using one of the most suitable subjects and situations for formation of social cultural competence of students on classes in a foreign language on not language specialties.

Object of research: the process of formation of social cultural competence.

For achievement of a goal during research it is necessary to solve the following problems:

— to define the meaning of the term «social cultural competence»;

— to open the problems connected with process of formation of social cultural competence;

— to consider methods, receptions and systems of exercises on formation and development of social cultural competence of students.

The analysis of special literature by a technique and practice of teaching allows to come a conclusion that a full using of the educational and developing discipline potential «Foreign language» creates a strong basis for formation of the creative intelligent person capable to take active part in cultural development of society. Problems of language communication were studied by E. I. Passov, S. S. Kunanbayeva, G. V. Yelizarova.

Statement of the main material

It is obvious that to become full participants of universal cultural process, modern students need to acquire those spiritual and moral values which were saved up by mankind within centuries. The individual and the whole people, entering universal cultural space, have to own various means of international communication.

That's why, among a set of subject disciplines the foreign language takes a special place in structure of the higher education at the present stage of social development. Its specifics are that during its learning students form skills to use foreign language as the means of communication, means of receiving new and useful information. The communicative direction of this subject, its frontage to studying of life, customs, traditions and, first of all, language of other people promote education of civic consciousness, patriotism, high moral qualities of the personality.

Communicative competence is the ability to speak and understand language.

In methodical literature the ending result of foreign-language education is «formation of the identity of the active subject of cross-cultural communication which cross-cultural competence adequately provides the high level of mutual understanding and interaction demanded by time in the conditions of the international contacts» [1, page 93], (V.S. B.).

Acquaintance with culture of the country of the learned language happens by the interpretation of the facts of culture, comparison and a constant assessment which was available earlier knowledge and concepts with again received, to knowledge and concepts of the country. Comparing people and the country of the learned language in various historical conditions, revealing the general and specific in them, we promote penetration into mentality of the people, understanding of its character, its values, dissimilarity sources.

«After all one of the purposes at learning of foreign language, — according to E. I. Passov, — not only pragmatic knowledge, skills and abili-

ties, but also education. In this case the culture which is understood as the cultural wealth which is personally mastered in activity, space in which there is a process of socialization of the personality acts as the contents» [2, page 57], (V. S. B.).

Important factor of formation of social cultural competence is using the new technologies of training. The technology of critical thinking, project activity, training in cooperation and game technologies, technology of the developing training attract interest in foreign-language communication, expand its subject contents. It is necessary to use the information and communication technologies in forming social cultural competence.

The project technique is considered in this case productive as it creates unique opportunity for the personal growth of students, focuses them on disclosure of creative potential and development of cognitive interests. The algorithm of work on technology of projects used in educational process: promotion of a hypothesis → creation of a problem situation → analysis of a problem → specification and judgment → realization → presentation. The project technique is personally focused on such activity which provides conditions of self-knowledge, self-expression and self-affirmation.

The subject of projects can have a social cultural focus and reflect different range of interests of students.

The technology of training in cooperation helps to create conditions for activity of students in various educational situations. Interactive cooperation of students in couples or groups provides practical use of language in the situations modeling reality. This technology develops requirement constantly to improve the speech and creative abilities of students. For suc-

cessful interaction in various situations of communication use a method of role communication. The comparison method allowing to compare the fact of native culture and culture of the learned language, and also to draw a parallel of comparison of traditions, customs, manners, holidays and achievements is productive. Comparison and estimation, as a rule, happens in situations of speech communication

That dialogue as a communication form, and dialogue as contact, contact of representatives of the different countries or dialogue of cultures took place and became reality, students know that it is necessary to observe all steps of the following algorithm strictly:

- to come into contact with the interlocutor, to request and give information on the conversation course for the solution of the set communicative task;

- to begin, support and finish conversation;

- to express the relation to the discussed question;

- to find out opinion and the relation of the interlocutor;

- accurately to be guided in the facts of foreign-language culture and to be able to give the estimated description of the facts, realities and events;

- to interpret the facts of foreign-language culture, showing feelings of a step and tolerance.

For development and formation of a social cultural orientation as the making communicative competence, the lessons imitating any occupations or types of works are considered as the most effective: travel, excursion, protection of tourist projects, a lesson — (role) game, a lesson competition, a lesson quiz and others.

The students expand their knowledge at the expense of new subject

about the country of the learned language, its science, culture, realities, famous people in different types of speech activity: audition, speaking, reading and letter.

Effective working method on a semantic of regional geographic lexicon is the technique of the comparing analysis. The lexicon is entered in its way socially — regional geographic reflection. The students get acquainted with the text containing information on realities of foreign-language culture and then make the similar text describing the similar phenomena and realities of the Russian reality

Example according to the text «The Tower Of London».

<i>In Britain</i>
<i>The Tower of London was a fortress, a royal palace and later a prison. It is a museum now. There are a lot of collections in the Tower of London.</i>
<i>The White Tower, which was built by William the Conqueror is the oldest and the most important building.</i>
<i>Every night at 10 p.m. at the Tower the Ceremony of the key or locking up of the Tower for the night takes place.</i>
<i>In Russia</i>
<i>The Kremlin in Moscow was a fortress originally. Its walls are very high and thick. One can't imagine Moscow without the Kremlin, which is the heart of the city.</i>
<i>The most important tower of the Kremlin is Spasskaya. It often serves as a symbol of the country.</i>
<i>There is a Ceremony of Changing the Honour in front of the Mausoleum.</i>

Thus, acquaintance with culture of the country happens by comparison and a constant mark of already available knowledge and concepts with again received knowledge and concepts of the country. Comparing, students choose the general and specific that promotes development of understanding and the kind relation to the country, people, traditions.

Use at lessons of role-playing games also promotes development of social cultural and communicative competences. For example, studying topic: «Famous people» it is possible to give a role-playing game as an example «Literature of Great Britain» («Music in USA», «Famous Choreographer»).

1. The purpose of this game is development of skills of communication with each other within studying of the material «Literature and Writers of Great Britain».

2. Communication situation: experts in the field of literature and listeners gathered for carrying out current — show. Students unite in groups and receive role cards with tasks.

3. «You are experts. Make the review of highlights of literary development in Great Britain».

Conclusion

The foreign language is a real means of communication between people of the different countries, a learning tool of the world and promoting of the culture. Using foreign language in the communicative purposes demands a certain level of language, speech and social cultural competence. It is necessary to create readiness for conducting dialogue of cultures.

So, the technique of training in a foreign language doesn't show the content of training in English without inclusion of a social cultural component in training process. Using different methods regular and systematic the teacher can make a creative person.

The social cultural component in the content of training in a foreign language plays an essential role in development of the personality trained as gives the chance not only to examine heritage of culture of the country of

the learned language, but also to compare it to cultural values of the country that promotes formation of students' culture in general. This component is

urged to broaden the general, social, cultural horizons, to stimulate their informative and mental abilities.

1. Kunanbayeva S. S. Modern foreign-language education: methodology and theories // S. S. Kunanbayeva. — Almaty, 2005. — 264 p.

2. Passov E. I. The lesson of a foreign language of [Text] / E. I. Passov // Refer-

ence book of the teacher of a foreign language. — M. : A gloss — a press the Phoenix, 2010. — 638 p.

3. Yelizarova G. V. Culture and training in foreign languages // G. V. Yelizarova. — SPb. : KARO, 2005. — 352 p.

Статья посвящена формированию социокультурной компетенции в процессе изучения иностранного языка, в частности, английского языка. Изучаются аспекты формирования личности студента посредством изучения иностранного языка. Подчеркивается необходимость изучения иностранного языка, так как социокультурная компетенция является условием для успешного диалога культур. В статье рассматриваются методы и приемы, системы упражнений по формированию социокультурной компетенции.

Ключевые слова: компетенция; культура; общество; социокультурная компетенция; коммуникация; межкультурная коммуникация.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 130.2:791.43/.45

О. А. Кочнова

Семиотический анализ художественного фильма «Хайтарма»

В статье автор проводит семиотический анализ художественного фильма, в основе сюжета которого — трагический эпизод из жизни легендарного крымскотатарского летчика Амет-Хана Султана, связанный с депортацией крымских татар. Автор рассматривает различные смысловые символы, используемые в фильме, проводя культурологические параллели.

Ключевые слова: семиотика; семиотический анализ; киноискусство; депортация; хайтарма.

Семиотика — наука относительно молодая, посвящена исследованию символов и знаков в искусстве. Её «отцом» является американский философ Чарльз Пирс, он же стал и автором самого понятия. Слово «семиотика» восходит к греческому языку — *σημειωτική*, от древнегреческого — *σημείον* «знак, признак», наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем. Еще ранее, чем Пирс, о знаках и их смысловых контекстах заговорил в 19 веке пражский философ Больцано. Больцано уделил внимание не только символическим знакам, но и их коммуникативной

функции. В свою очередь, философ, представитель школы прагматизма Чарльз Моррис, рассматривал любой объект как знак и отмечал возможность объектов участвовать в семиозисе — процессе, состоящем из трёх ступеней: семантика, измерение, которое устанавливает отношение знаков к обозначаемому объекту (денотату); синтактика — измерение, которое устанавливает отношения знаков друг к другу. Тем самым вскрывается структура знаковых систем, в том числе грамматическая. Выявляется еще одна характеристика знаков — валентность;

прагматика — измерение, которое устанавливает отношения знаков к тому, кто их употребляет (с учетом культурных конвенций). Тем самым устанавливаются смыслы, которыми наделяются знаки в процессе их употребления [2]. Среди учёных, исследующих семиотику в контексте кинематографа, итальянский учёный-философ, писатель Умберто Эко и советский литературовед, культуролог Юрий Лотман.

У. Эко основной начальной единицей любого семиотического субъекта видит код (отправную единицу), который в свою очередь разбивается на знаки и т. д. [3]. Лотман, в свою очередь, рассматривает кино как коммуникативную систему, при помощи которой зритель получает зашифрованный посыл. В зависимости от сложности авторского послы, образованности и культурных особенностей зрительской аудитории можно воспринимать тот или иной киносмысл. В частности, большинство структурно-семиотических исследований обращено к работе Ю. Лотмана «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» [1]. Тем не менее, единых требований к семиотическому анализу не имеется. Поэтому в настоящем исследовании осуществлена попытка обобщить и структурировать основные известные элементы семиотического анализа.

Субъектом семиотического анализа в данном исследовании стал художественный фильм «Хайтарма», посвящённый общенациональной трагедии крымскотатарского народа — депортации в мае 1944 года (режиссёр А. Сейтаблаев, сценарий Н. Рыбалка, 2013 г., Украина). На протяжении фильма развиваются две сюжетные линии — судьба крымскотатарского лётчика, дважды Героя Советского Союза Амет-

Хана Султана переплетается с судьбой его народа.

Отправной составляющей исследования является язык, так как знание языка, стиливых оборотов раскрывает скрытый смысл повествования. В данном случае нельзя без внимания оставить название фильма — «Хайтарма». Именно в нем заключен основной семиотический смысл. Хайтарма — народный крымскотатарский танец, символ вечного движения. Поэтому фильм представляет собой круговорот событий, как в танце. События развиваются по нарастающей — знакомство с главным героем, славным лётчиком Амет-Ханом Султаном, персонажем историческим и легендарным одновременно. Затем — встреча с «честным особистом» Кротовым. Далее — отпуск Амет-Хана и его друзей в родительском доме, в Алушке; праздник на улице; стук в дверь среди ночи; страшная несправедливость, клевета и депортация. Казалось бы — все, история печально окончена. Но нет, это же хайтарма, круговорот жизни без остановки. И вот в вагоне, в нечеловеческих условиях рождается ребёнок, и женщины думают, какое имя ему дать. Мужчины поднимают детей на руках к щелям в вагоне, чтобы те могли хоть немного вдохнуть свежего воздуха. Эти символы не случайны: дети — продолжение рода, надежда на новую жизнь, надежда на то, что этих детей ждёт другая, более справедливая судьба. И жизнь продолжится. Кстати, подобный контекст содержится во многих художественных фильмах, описывающих события страшные, безысходные. Например, «Поезд жизни» (режиссёр Р. Михайляну, 1998) — (о комической «самодепортации» евреев с целью бегства от фашистов); «Жизнь

прекрасна» (режиссёр Р. Бенини, 1998) — (история еврейского отца, который с помощью смекалки, чувства юмора и безграничной любви к жизни спасает жизнь маленькому сыну и своей жене в условиях, совсем несовместимых с жизнью). Во всех трех фильмах присутствует поезд — символ жизненных перемен. Вагон закрывается снаружи и кажется, людям уже никогда не выбраться из заточения, из безысходности. Но жизнь всегда дает шанс, и если вера крепка — жизнь продолжается.

В фильме имеются как крупные планы, так и масштабные съемки крымских видов. Высоко в горах танцуют юноша и девушка, движения юноши напоминают движения орла. Постепенно между собой переплетаются танец, птица и самолёт. Все они символы внутренней свободы, полета и вечного движения. Общий темп фильма также повторяет танец — события, движущиеся по основной сюжетной линии набирают темп, но через определенные интервалы этот темп спадает (аналогично первым аккордам хайтармы) и зритель знакомится в более камерной обстановке с другими подробностями истории. А затем, барабанщик увеличивает темп и зритель вновь в круговороте танца, и этот круговорот уносит нас к финальным сценам кинокартины.

Конечно же, смысловую нагрузку несёт и музыка кинокартины. Музыка создаёт настроение зрителя и продолжает параллельное повествование внутри самой кинокартины.

Следующей важной составляющей фильма являются персонажи, которых можно условно разделить на три группы:

1) Амет-Хан, его друзья, его боевой командир, родители, возлю-

бленная Фериде, соседи — персонажи, безусловно, положительные.

2) Откровенные подлецы и негодяи — капитан НКВД Трунин, для которого расстрелянные «враги народа» не более чем бумажные папки и который сам производит расстрелы в своём кабинете; безликие, бездушные солдаты выполняющие приказ по выселению крымских татар.

К сожалению, эти две группы слишком рафинированы, лишены подлинной реальности и поэтому лубочны. В реальной жизни, а именно такая заявлена в кинокартине, абсолютное зло, как и абсолютная добродетель категории редкие.

3) Третья группа персонажей более интересна. «Честный особист» майор Кротов. Он немолодой человек, имеющий жизненный опыт, на фронте производит «зачистки», ищет «врагов» среди военного состава. Он изначально не хороший и не плохой. Он — человек советской тоталитарной системы, её порождение. Он, конечно же, не получает маниакального удовольствия от убийства людей (в отличие от капитана Трунина) и, в то же время, честно выполняет свою работу (а вот здесь их пути пересекаются). У майора Кротова есть прошлое, которое на протяжении фильма связывает его с главным героем: однажды, во время бомбёжки Ярославля, неизвестный летчик сбил вражеский фашистский самолет и тем самым спас жизнь жене и ребенку Кротова. Кротов дал себе слово отыскать этого летчика. С этого момента из палача Амет-Хана Кротов превращается в его ангела-хранителя. Кротов вполне симпатичен — он победил в себе «винтика» системы, и хоть судьба его трагична, смерть Кротова воспринимается как очищение, достойный финал всей его жизни. Чем-то напоминает Кро-

това молодой лейтенант, который с солдатами пришел выселять старую женщину из её родного дома. «Мать у тебя есть?» — с укоризной он обращается к одному из солдат. В этой же группе молодой солдат из Сибири, с удивлением признающий, что в Крыму все не так, как на его родине. В целом же, настоящих негодяев в фильме мало. Но не они пугают. Самое страшное — безликая серая масса солдат, выполняющих приказы. Они не добрые и не злые. Они просто выполняют приказ, как машины. «Не должно быть страшно. Должно быть все равно». В этом контексте на память приходят слова из песни В. Высоцкого:

*Меня не дострелили потому,
Что был один, который не стрелял.*

Как повернулось бы колесо истории, если бы большинство не стреляло?

Особое место в кинокартине отведено символам культурологического характера (третья составляющая семиотического анализа).

Несколько раз появляется образ коня: Амет-Хан рассматривает деревянную игрушку-лошадку и перед его глазами появляется образ любимой девушки, которая за поводья ведёт лошадей домой. Эту же девушку и лошадей мы встречаем на улицах Алупки. Образ коня взят не случайно — для крымско-татарской культуры конь — почти тотемное животное. И этому факту есть объяснение — у тюркских племен, далеких предков крымских татар, конь также был священным животным. Лошадь была транспортным средством, давала человеку пищу, из лошадиных шкур строили жилища, лошадиный навоз использовали в качестве топлива. В мифологии тюркских племен дви-

жение лошади ассоциировали с движением Солнца. Танец хайтарма напоминает движение небесного коня и появление девушки с лошадьми объяснимо: война ушла из Крыма, жизнь постепенно входит в мирное русло, и храбрая Фериде возвращает лошадей домой, чтобы будущей весной родился новый табун.

В целом символика противостояния жизни и смерти в кинокартине присутствует постоянно:

1. Вот уже скоро закончится самая страшная война, горе которой сполна испытал на себе советский человек и исход этой войны почти известен — Наша Великая Победа, но первая же ночь в родительском доме говорит Амет-Хану: «Войне нет конца, пока в мире царит жестокость».

2. Татарин, который должен успеть похоронить свою умершую жену до захода солнца и вода — источник жизни, которую он даёт испить красноармейцу. Этот персонаж (татарин) наиболее интересен и загадочен: через него как будто проходит связь между прошлым и настоящим, между жизнью и смертью. Вот он даёт повозку, чтобы отвезти в полевой госпиталь раненного в бою лётчика, к сожалению, последний погибает (повозка везла в царство мёртвых свой печальный груз и ей всё равно, кого доставить по назначению: русского или татарина, мужчину или женщину). Эта повозка — олицетворение смерти, для которой все равны и неизвестно, кого она повезет в следующий раз.

Между живыми связь устанавливается посредством воды: красноармеец пьёт воду и благодарен татарину, не подозревая, какой жестокий приказ он будет вынужден приводить в исполнение и что снова их судьбы пересекутся. Но уже не в крымских горах, под солнечными

лучами, а на станции Сюйрень, под дождём, среди напуганных и плачущих людей.

3. В кровати мирно спит малыш, мать Амет-Хана примеряет нарядный пояс, улыбается своим мыслям: родной Крым освобожден от ненавистного врага, жив старый супруг, растёт красавица-дочь. Но самое главное — с этой войны в отпуск прилетел любимый сын, гордость родителей, гордость своего народа и всей Алупки — герой Советского Союза, её Амет-Хан. И, наверное, мыслям о будущей свадьбе сына улыбалась пожилая татарка. Но вот — свет фар во дворе, чужие люди в доме и их приговор: «Вы — предатели. Ваш сын — предатель». Вот она смерть, караулила их мирный дом и ворвалась в неожиданный момент.

4. Люди ждут своей участи на вокзале. Плачет маленькая потерявшаяся девочка. Но вот её берётся утешить невеста Амета-Хана, Фериде, напевая незатейливую песенку. Малышка подпевает, к ним присоединяются другие дети, пожилой татарин делает несколько ударов в такт по медному тазу и природа отвечает каплями дождя. Дождь — символ новой жизни, символ удачи. Даже в таких страшных обстоятельствах природа поддержала человека, дала ему знак: «Ничего! Держись! Всё будет хорошо!». И, как кульминационная точка всего вышеизложенного: в грязном вагоне, среди чужих людей, молодая татарка рождает ребёнка. Среди многих, кто не доедет до пункта назначения, среди тех, кто скончается по дороге, среди смерти на свет появился маленький росточек жизни. И вот уже молодая мать думает, как назовёт ребёнка. Жизнь продолжается, жизнь даёт надежду. В художественном фильме «Хайтарма» использованы и другие сим-

волы, имеющие значение для воздействия на зрителя. Эти символы сложно объединить в какую-либо группу, так как они единичны и кажется, не связаны с общим сюжетом, создаётся впечатление, что это лишь фон для повествования. Однако это не так. Следуя логике «двойного действия», использованного ещё отцами «новой драмы» в театральной практике, внимание зрителя необходимо перенести с внешнего действия на внутренний мир героя, на скрытые смыслы. Режиссёр А. Сейтаблаев удачно использует принцип «двойного действия».

Парит в безоблачном небе орёл. Но это не орёл, а отважный лётчик Амет-Хан Султан, который так же бесстрашен и внутренне свободен, как гордая птица. Следующий «скрытый символ» — армянин без рук, друг Амет-Хана. Мужчина, судя по старой гимнастёрке, бывший солдат, жертва той ужасной войны. Его становится жаль при первом знакомстве, но в дальнейшем парень не вызывает жалости: он шутит, вместе со всеми готовится к празднику, сидит за общим столом, пляшет. Но он все же без рук. Пытаясь спасти Амет-Хана, парень погибает, так как, что может сделать калека против вооружённых солдат? Этот символ безрукости, скованности в действиях показывает позицию местного населения, «не татар»: они искренне не понимают, что происходит, многие возмущены такими действиями власти, в силу своих человеческих возможностей, пытаются помочь, но что могут эти люди по отношению к государственной машине? Еще немало и их тоже могут обвинить в пособничестве оккупационному режиму, врагам народу и т. п.

Имеются в фильме и символы рода, принадлежности к крымскотатар-

тарской культуре: свадебная марама, нарядный пояс матери Амет-Хана, игрушка-колыбелька. Через них зритель погружается в культуру и быт крымских татар. Но это образы радостные, жизненные, традиционные. В противоположность им стоит образ потерянной, забытой, брошенной медной посуды — тазы, кувшины. Известно, что разнообразная медная посуда была характерной бытовой чертой многих народов Крыма в довоенный период (отголоски влияния турецкой культуры). Как и любая вещь бытовой принадлежности, посуда передавалась по наследству, она помнила тепло рук прошлых поколений. Но медный таз — не свадебная марама, и его далеко не увезешь. Крымчане тех лет вспоминали, как после выселения крымских татар на улицах, во дворах валялась брошенная посуда. У режиссёра А. Сеитаблаева этот факт приобрёл символическое содержание: бросили самое родное, под дождем оставили дедовскую память. И необыкновенно мудро звучат в этом контексте слова старой татарки, которая не бе-

рёт в дальний путь ничего лишнего, а только Коран, старую фотографию и кусок хлеба: «Здесь Бог, память и хлеб. Человеку этого достаточно, чтобы жить».

Безусловно, все скрытые, зашифрованные символы, которые использовал режиссер в кинокартине, возможно умышленно, а возможно — на уровне коллективного бессознательного восприятия, вызывают научный интерес. Все, что представлено в картине, каждый её штрих, каждый кадр имеет свой смысл. Чтобы научиться понимать кино, уметь отличить подлинное произведение искусства от коммерческого проекта, стать истинным ценителем прекрасного искусства кино, необходимо замечать, читать эти скрытые символы. В целом это и является ответом на вопрос: «Для чего необходим семиотический анализ фильма?» Кроме того, в результате такого анализа кинокартина полностью раскрывается перед исследователем: становится понятен драматургический замысел и основная идея произведения.

1. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. Лотман : [Электронный ресурс] : Режим доступа : <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt>

2. Моррис Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика :

[Электронный ресурс] : Режим доступа : <http://www.bim-bad.ru>

3. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко : [Пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло]. — СПб. : Симпозиум, 2006. — 544 с.

The author carries out the semiotics analysis of the feature film which basis of a plot is made by the tragic episode from life of the legendary Crimean Tatar pilot Aмет-Khan Sultan connected with deportation of the Crimean Tatars. The author considers various semantic symbols used in the movie, drawing culturological parallels.

Key words: *semiotics; semiotic analysis; Cinematography; deportation; Haytarma.*

УДК 7.036

О. Б. Элькан

Воплощение символистского восприятия природы в ранних произведениях П. В. Кузнецова (1900-1905-е годы)

В статье исследован символический характер живописного искусства XX века на примере творчества уникального русского живописца П. В. Кузнецова, в наследии которого содержится чрезвычайно ценный духовный опыт, имеющий сегодня важное историко-художественное и общекультурное значение. Герой нашего исследования предложил в своей живописи ценнейшие варианты художественного решения проблемы отношения человека и мироздания.

Ключевые слова: искусство XX века; символические формы; русская живопись.

Актуальность темы обусловлена глубоким интересом к сущностным проблемам культуры, возрастающим в эпоху глобализации, которая характеризуется стремлением к интеграции мира на общих основаниях, к созданию единого взаимосвязанного и взаимозависимого мира, мегаобщества. Это означает решительный шаг в сторону общечеловеческих ценностей, главной из которых является сама жизнь. В этих обстоятельствах особое значение приобретает понимание культуры как континуума «символических форм», в формировании

которых проявляется всеобъемлющая символическая функция мышления (Э. Кассирер) [По: 11].

Тема исследования — изучение и характеристика особенностей понимания и символического образного воплощения природы, сущностных отношений человека и мироздания в искусстве замечательного живописца XX века Павла Кузнецова (1878-1968). **Цель статьи** — экспозиция символического воплощения восприятия мира в живописи художника XX века Павла Кузнецова. **Задачи:** последовательно исследовать осмысление и жи-

вописное претворение Кузнецовым символического подхода в искусстве XX века; рассмотреть смысловое поле Кузнецова в ранний период его творчества в ракурсе наиболее значимых тем и сюжетов его произведений в широком комплексе общекультурных проблем XX века; соотнести его творчество с эстетическими исканиями современников.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы: В. И. Вернадского [1], В. В. Воскресенской [2], Э. Кассирера [4], И. Сорокина [9], А. А. Рукаковой [6; 7], М. В. Холиной [10], О. Б. Элькан [11], А. Эфроса [12], и др.; альбомы репродукций [5; 8].

Влияние идей времени на творчество П. В. Кузнецова. Кузнецов особенно остро «пропускает» через себя напряжённые духовные искания эпохи: можно говорить об аккумуляции в его творчестве сложных идей и всей уникальной атмосферы того времени. Пребывая в очаге культурно-общественной жизни Москвы, молодые живописцы общались ко всем интеллектуальным тенденциям начала XX века.

Характерная черта эпохи проявляется в интенсивном переживании картины мироздания, связанной с движением по кругу, сменой рождения и смерти, «яркого восхода» и «грустного заката» [2]. К. А. Тимирязев устанавливает неразрывную связь солнечного излучения и существования жизни на земле, «связь между солнцем и зелёным листом» [По: 2]. В. И. Вернадский эту тему осмыслил так — лучистая энергия солнца как основная космическая сила преобразования лика земли, «биохимическая энергия» культуры: «... жизнь не есть только создание нашей планеты, она в своей главнейшей части, а может быть, и

целиком..., есть столь же явное порождение солнечного луча. Она, во всяком случае, есть земное и космическое явление» [1, с. 305].

Эстетический идеал рубежа веков также отмечен превалированием образа Светила. Воздействие идей символизма придаёт специфический характер художественным чувствам «восхода» и «увядания», стремлению облечь их в адекватные формы. У Кузнецова, «солнцепреклонника» с ранних лет, наивный восторг перед светилом сменяется осмыслением силы, дающей жизнь всему сущему. Несомненно, их влекли яркие образы, подобные «зорям» грядущего прекрасного мира в интерпретации К. Д. Бальмонта («Будем, как солнце») и А. Белого («Золото в лазури»).

Молодой художник погружается в символизм близкой ему художественной среды: будь — то знакомство с поэзией символистов, операми Р. Вагнера в Большом театре (П. В. Кузнецов и Н. Н. Сапунов создают декорации к «Валькирии» зимой 1902 года) или постановками Г. Гауптмана и Г. Ибсена в Московском Художественном театре, пьесами 1880-1890-х годов М. Метерлинка, представление которого о непознаваемости мира и таинственном роковом предназначении казалось тогда особенно созвучным их миропониманию. П. В. Кузнецов, Н. Н. Сапунов, В. М. Маяк и др. ставят пьесу Метерлинка «Там, внутри» (осень 1902 г.); К. С. Петров-Водкин под влиянием его произведений пишет символично-романтическую пьесу «Жертвенные» (1902).

Единомышленников сплачивают совместные проекты: оформление П. В. Кузнецовым, М. С. Сарьяном, К. С. Петровым-Водкиным «Армянского вечера» в зале Московского

благородного собрания (декабрь 1902 г.), художественное оформление Кузнецовым и Уткиным «Вечера нового искусства» в Саратовском музыкальном училище (январь 1904 г.) и др., — демонстрирующие успешное создание декоративных ансамблей. Особый резонанс получила работа Кузнецова, Уткина, Петрова-Водкина по росписи летнего придела церкви Казанской Божьей Матери в Саратове (лето-осень 1902 года. Неканонические новаторские росписи были признаны кощунственными и уничтожены по постановлению суда весной 1904 года). В. Э. Борисов-Мусатов соперничал молодым художникам: «... работали целое лето ради искусства. Вообразили, что живут они в эпоху Возрождения, и написали в соответствии и эскизы. Вещи страшно талантливые и художественно оригинальные...» [По: 9, с. 20].

Кузнецов и выше названные его современники под влиянием всего сложного комплекса идей времени делают выбор — стремиться к замене буквального отображения окружающего воплощением в живописи «миростроя» своей души, проникая за грань непосредственно видимого (но не дискриминируя эту непосредственность).

Воплощение символистского восприятия природы в ранних произведениях П. Кузнецова. В 1904-1905 годах Кузнецов воплощает природу в образах, базирующихся на жизненных реалиях, но преображенных в видения-фантазии. Мотив реально существующего механизма для поливки садов — чигиря — в полотне «Утро в саду» (1904) приобретает значение пантеистического объекта: в нем потоком воды осуществляется связь земли и неба, человеческого труда

по возвращению плодов и космических явлений. Обыденность растворяется в стихиях: «размыкание» форм в воздушной дымке визуализирует как бы недоовоплощённое, ещё становящееся состояние природы — «утро мира». Абрисы обобщённо переданных женских фигур олицетворяют тему «Вечной женственности».

В центре многих работ Кузнецова — размещённые в условном пространстве природной среды, обрамлённые ветвями ив и акаций фонтаны — воспоминания детства. В «Голубом фонтане» (1905) фигуры склонённых друг к другу женщин и детей определяются плавными линиями сплетающихся трепещущих ветвей и низвергающихся водяных струй — «линий жизни». Отсутствует и передача светотени, фигуры минимально моделированы — эти существа ещё словно не отделились от первоначального хаоса — «лона всего». Изысканная сложность цветовых переходов, особое значение света подчеркивают погружение в глубины природы. Своеобразная перекличка образов картины с персонажами и проблематикой творчества О. Редона [10, с. 174; 5, с. 13] свидетельствует об общей линии глубокого восприятия и отображения мистики связи человека и природы.

Образ фонтана обретает в контексте эпохи большую культурологическую нагрузку — как лирический символ взлёта и падения, вечного круговорота: «... Нас пленяет зрелище подъёма, разрешающегося в нисхождении /... / Купол и дуга устроят душу. Все взоры, горя, обращаются к заходящему солнцу, но уже восход začínает тайно восторги заката [3, с. 30].

Семантическое наполнение основных образов символистского сознания Кузнецова вскрывается в их

сопоставлении И. Л. Сорокиным: чигирь — «природное», «пантеистическое, необъяснимое, глубинно-языческое», дионисийское начало; фонтан — «искусственное», «с его чудом бесконечного круговращения струй — чистое созерцание, чистое искусство», аполлоническое начало. «Если чигирь это горизонтальное с сиюминутным возвышением, то фонтан — вертикальное, противоборствующее обывательскому разуму: Искусство». ? Сноска?

Кузнецов предложил уникальный способ постижения макрокосмоса посредством воплощения образа природы в ракурсе острого интереса к символике окружающей действительности (что характерно для начала века), отмеченный подтекстом развертывания пантеистической сферы — всеохватывающее томление материи накануне рождения нового мира [2]. Лирический символ не мыслится отдельно от тем рождения и любви. Женщина представлена как источник возникновения нового микрокосма, а рождение — как акт вселенского значения.

В 1905 году Кузнецов, пройдя обучение на акушерских курсах и поработав в московском родильном доме (Москва, Сретенка), приобрел опыт, перекликающийся с проникновением в тайну рождения человека, в художественном воплощении которой художник достигает своего рода иллюзии.

Он передаёт этот процесс в распускающемся фонтане жизненной энергии с возникающим из существа существом («Ожидание», 1900-е годы); едином подъёме-всплеске сил, изливающимся струями воды, ветвями, младенцами (этюд «Фонтан», 1905) [По: 7, с. 442]; осеняемом склонёнными ветвями и ликами младенце («Рождение», 1906).

Но любовь побеждает смерть. Сюжет работы «Любовь матери» (1905-1906) — движущиеся склонившиеся женщины возле бассейна с фонтаном осеняют стоящих и лежащих детей ветвями и венками — воспроизводит, в конечном итоге, круговорот жизни природы. Возможно, истолкование этого мотива и как крещения — мистико-пантеистического акта воссоединения с мировой жизнью, которому причастно всё окружающее.

Художник разворачивает широким кругом основные проявления бытия, воплощая их в особом образном ключе. Кузнецов обращается к истокам жизни, «вслушиваясь» в тайны зарождения человека и природы. Комплекс таких представлений и смыслов окружающей природы, отождествления и взаимопроникновения её компонентов позволяют говорить о своеобразном пантеизме молодого Кузнецова. На данном этапе — это духовно-эмоциональное погружение в глубины жизни природы, ещё довольно отвлечённая программа, преследующая эстетический идеал как таковой, но, уже переживаемый, как событие искусства, глубоко и сильно.

«Кузнецов был мечтателем, его друзья были забавниками. Он видел, они сочиняли. Он чувствовал, они играли. Он смотрел внутрь, они наружу», — писал А. Эфрос [12, с. 93]. Свойственное молодому человеку острое желание выразить визуальную красоту бытия подразумевало и устремленность к познанию, в той или иной степени, мироустроительных связей, на которых зиждется природный строй.

Творческий интерес ко всему живому, любовь к «божественному, упоительному» солнцу инициирует искусство Кузнецова. Пер-

воначальная непосредственность восхищения красотой окружающего сменяется проникновением в природные тайны посредством «вчувствования», сопереживания проявлениям бытия. Осознавая единство «организма Вселенной», художник в любом явлении природы пытается усмотреть подспудную работу её извечных сил, отблеск «вселенской души». Поиск Кузнецова разворачивается в русле русской символической космологии, согласно которой в органическом процессе природного мира человеку отводится роль со-творца, и искусство при посредстве человека-художника призвано способствовать совершенствованию мироздания.

В своих работах молодой живописец уравнивает пластическое значение элементов пейзажа и человеческих фигур: человек понимается как часть взаимодействия природных сил. Обратившись от задач чистой изобразительности к выражению нематериальных понятий и бессознательных состояний, понимая примитивизм как средство выявления непосредственности художественного восприятия, Кузнецов обозначил векторный путь отечественного искусства новейшего времени.

Через осмысление вечного круговорота природы, рождения и материнской любви, последовательное углубление пантеизма, художник занимает своё место в проблемном поле самосознания культуры XX века, в определённых моментах выражая самую его «сердцевину». При этом он интуитивно подходит к необходимости познания Востока — следующей ступени самоопределения.

Судя по всему, Кузнецову открылось то, что он так настойчиво искал: в вечно меняющемся потоке явле-

ний проявляют себя вечные законы бытия в их высокой красоте и гармонии окружающий реальный мир стал близок, но в той степени, в какой он сопряжен с Абсолютом. Это обретенное в ходе символистских исканий ощущение вечности жизни, космического величия природы, одухотворённости всего сущего будет определять эстетику и мировоззрение художника. Убеждённость Кузнецова в прекрасной гармонии бытия в пространстве и во времени выразилось в космическом чувстве обжитости Вселенной, сопряжении природы, человека и космоса в целом. При сохранении глобального пафоса ему удалось чётко выявить и те первоосновы, на которых зиждется бытие природы и человека в ней. Через самого себя художник «проводил» все явления окружающего мира, и философия природы стала философией его жизни.

Восприятие жизни Кузнецова определила глобальная тема природы. Формирование его уникального искусства обусловлено художественными и философскими исканиями эпохи. В мировоззрении мастера выражена магистральная, общекультурная тенденция, обозначенная потребностью в единении человека и универсума, которая была осознана в конце XIX века. В таком ракурсе искусство, по мнению Вернадского, представало «художественным воспроизведением» основных самых характерных черт сущего — Космоса».

Из своих путешествий мастер вынес образы совершенного мироздания и согласованного с его ритмами «естественного» человека. Представляя картинную плоскость своеобразным микрокосмом, он репрезентовал всё сущее его предметными и духовными первоформами. Остро

актуальное тогда «вселенское» мировоззренческое устремление придавало частному сюжету всеобщий смысл апелляции к основам мироздания, конкретные явления получали всеохватное символическое значение. Для Кузнецова основополагающим моментом выступила пространственная протяженность мира, выражаемая им посредством вариаций светоносного цвета. Восток — край всеобщей гармонии — художник представлял «моделями» идеального бытия природы.

«Всё моё творчество всегда имело целью порадовать зрителя и раскрыть перед ним ту красоту, которая окружает нас в природе и в людях, красоту жизни. Эта красота придаёт энергию и бодрость для деятельности людей и для строительства жизни и творчества» [Цит. по: 6, с. 275]. Резюмируя таким образом свое искусство, Кузнецов словно откликается на страстный призыв своего соратника Сарьяна: «...надо было создавать такие работы, которые могли бы доставлять людям радость, давать им ощущение свободы и счастья. Надо было создать искусство,

которое рождало бы радостное ощущение жизни. Человеку нужно жизнеутверждающее искусство, которое поднимает его дух, даёт ему силу для преодоления всяких преград» [8, с. 184]. Поэтичность видения мира и пафос жизнеутверждения Кузнецова создали важную духовную опору в современной жизни, полной нестабильности и тревоги.

«Идеально» воплотившийся в образно-живописном строе произведений Кузнецова космос природы — отражение материально-духовного единства с универсумом — придал его искусству статус непреходящего художественного феномена в культуре и искусстве XX века.

Подводя итог, следует отметить, что анализом, проведенным в рамках данной исследовательской работы, не исчерпывается глубина предложенной темы. Результаты работы дают основания для дальнейших культурологических исследований символа, символических форм, символического искусства. Материалы исследования могут быть использованы в курсах культурологии, истории искусства, истории живописи.

1. Вернадский В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский — М. : Наука, 1978. — 358 с.

2. Воскресенская В. В. Космос природы в творчестве П. Кузнецова и М. Сарьяна (Эстетико-мировоззренческие аспекты): Дисс. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04 — М., 2010 — 187 с.

3. Иванов В. О нисхождении / В. Иванов // Весы. — 1905. — № 5. — С. 30-31.

4. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Эрнст Кассирер : [Электронный ресурс] : Режим доступа : [http:// www. liblife.ru](http://www.liblife.ru). — 155 с.

5. Кузнецов П. : [Альбом] / Авт. текста М. Киселев — М. : Белый город, 2002. — 48 с.

6. Русакова А. А. Павел Кузнецов / А. А. Русакова — Л. : Искусство, 1977. — 284 с.: ил.

7. Русакова А. А. Символизм в русской живописи / А. А. Русакова — М. : Искусство, 1995. — 451 с. : ил.

8. Сарьян М. С. Живопись, акварели, рисунки, иллюстрации, театрально-декорационное искусство: [Альбом] / Авт. текста А. А. Каменский; сост. кат. Л. Л. Мирзоян, Ш. Г. Хачатрян. — Л. : Аврора, 1987. — 339 с. : ил.

9. Сорокин И. Саратов Павла Кузнецова : Заметки местного жителя // Пути русского символизма: Провинция и столица : Материалы IX Боголюбовских чтений. — Саратов: СГХМ им. А. Н. Радищева, 2006. — 336 с.

10. Холина М. В. К вопросу о творческом методе П. Кузнецова: Стиль, канон, иконография / М. В. Холина // Советское искусствознание — 80. — Вып. 1. — М.: Советский художник, 1981. — С. 161-175.

11. Элькан О. Б. Семиосфера как символическое ядро культуры (на основе

текстов искусства германоязычного мира XX века): Дисс. ... кандидата культурологии: 26.00.01 — теория и история культуры — Симферополь: 2010 — 188 с.

12. Эфрос А. Кузнецов П. В. / А. Эфрос // Профили. — М.: Федерация, 1930. — С. 91-134.

The symbolical nature of painting art of the XX century on the example of works of the unique Russian painter P. Kuznetsov is investigated. P. Kuznetsov's heritage contains extremely valuable spiritual experience having today important historical and art and common cultural value. The painter offered precious options of an art solution of the problem of the relation of the person and the universe in the painting.

Key words: art of the XX century; symbolic forms; Russian painting.

УДК 008:75.052”653”

Н. Н. Лыкова

Личностное начало и его отражение во фресковой росписи средневековой Таврики

Рассматриваемые уникальные памятники средневекового искусства, расположенные на территории Крыма известны давно, однако до настоящего времени отсутствует их комплексное культурологическое исследование, которое позволило бы раскрыть ценностную и художественную значимость, особенности живописного стиля, проследить разносторонние связи с восточно-христианским миром.

Ключевые слова: фреска; христианство; православная культура; сакральное искусство; духовное наследие.

Анализ научной проблемы: Актуальность данной работы связана с тем, что каждое современное государство стремится представить, как можно более солидный реестр своих национальных культурно-исторических памятников (культовых, археологических, архитектурных и др.), т. к. их наличие во многом определяет характер имиджа страны или же отдельного региона. Знакомство с ними — неотъемлемая часть интеллектуального потенциала наших современников, способных выразить и аргументировать свою собственную позицию и оценку исторического

прошлого, показать его значение для настоящего.

Таким образом, памятники средневековой сакральной живописи, сохранившиеся в Крыму, имеют большое историческое и культурное значение. Они занимают видное место в культурно-историческом наследии нашего общества и, несомненно, заслуживают пристального внимания исследователей, изучающих развитие мировой и отечественной культуры.

Осмысление последних исследований и публикации: Мону-ментальная сакральная живопись

средневекового Крыма в основном рассматривалась учеными в связи с историческими и археологическими исследованиями. Подробное описание крымских средневековых фресок дано в работе Е. В. Веймарна «Сюйренское укрепление» (1935)» [1].

Краткое сообщение о фресках пещерных храмов Трех всадников, Успения и Донаторов мы находим в публикации Н. И. Репникова «Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг.» (1932) [8].

В книге А. Л. Якобсона «Средневековый Крым» (1966) помещены зарисовки фресок, которые были выполнены в 1928 г. Большую роль в изучении фресок сыграла монография известного историка и археолога [10]. О. И. Домбровского «Фрески средневекового Крыма» (1966), где дано детальное описание этих памятников [7]. Огромный труд по изучению фресковой живописи был проделан А. Г. Герценом, который опубликовал работы «О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Крыма» и «Пещерные церкви Мангупа» (1995) [6]. Фресковые росписи пещерных храмов горного Крыма изучали А. И. Анисимов, В. Н. Чепелев, художник-искусствовед И. Э. Грабарь, искусствовед Е. С. Овчинникова. В конце 1990-х гг. Э. Н. Карнаущенко была сделана попытка реконструировать фрески храма Успения и храма Донаторов [4].

В 2001-2002 гг. И. Г. Волконская также выполнила частичную реконструкцию рисунков всех сохранившихся и читаемых фресковых композиций храмов Успения и Донаторов [2]. Однако, при наличии целого ряда интересных публикаций, посвященных монументальной живописи средневекового Крыма, до сих пор отсутствует тщательный

её анализ в контексте современной культурологии, нет комплексного её осмысления в культурно-историческом процессе. Сделаем попытку в данной работе выявить сущность и значимость произведений этого средневекового художественного искусства и определить его место в истории.

Целью исследования статьи является культурологическое осмысление фресок средневекового Крыма как феномена христианской культуры.

Объектом исследования статьи является христианская культура периода высокого средневековья.

Предметом исследования статьи выступает уникальная фресковая стенопись средневековой Таврики XIII–XV вв.

Основной материал: С конца XIII ст. крупнейшим центром византийской культуры вновь становится Константинополь, вобрав в себя всё лучшее из своих провинций. В Константинополь возвращаются деятели науки и культуры. Живя в разных местах, византийские ученые и философы были тесно связаны друг с другом, объединенные общностью интересов и научных устремлений, они создавали сообщества. В философских и литературных трактатах ясно выражался гуманистический идеал человека, основанный на интеллектуальной культуре.

Основой процесса такого преобразования служит принципиально новый поворот в осмыслении человека и его природы в христианстве. Это древнее учение рассматривает человека как Храм Божий, вместилищем богатейших даров. Человек обретает в христианстве самоценность, независимую от космологических сюжетов. Вместе с тем рождается идеальное представление о человеке

как личности, в котором телесно-чувственное понимание его наполнено жизнью, обогащено духовностью.

Каждый человек, по учению Церкви, непостижимо является полноценной личностью сразу же в момент своего зачатия в утробе матери. Однако появившаяся по воле Божьей личность человека вечно раскрывается, развивается, обогащается, совершенствуется, наполняется духовным не только в течение всей земной жизни человека, но и после его смерти и Страшного Суда будучи в Раю или в Аду. Все люди считаются неповторимыми, уникальными, созданными по образу и подобию Бога.

Так как человек создан Богом, он является личностью, обладающей свободой к творчеству. Свобода личности связана с тем, что она воплощает в себе надмирный дух, происходящий от Божественного Духа. Первородный грех Адама и Евы нарушил Богоподобие человека и отдалил его от Бога, однако образ Божий остался неповрежденным в человеке. Вся дальнейшая история рассматривается христианством как история воссоединения человека с Богом. Отныне сам человек рассматривается как центр и высшая цель мироздания. Природа, космос, социальная действительность осмысливаются через призму, помещения Человека в Центр Вселенной. Все явления мира воспринимаются с точки зрения опыта и ценностей человека-личности. Речь идет о трактовке человека как безусловной ценности.

Крушение Византийской империи в 1204 году стало одновременно крушением мира привычных представлений византийцев о себе самих, о священной империи, о её месте и в современном мире. Давнее опасе-

ние православных угрозы нападения «недостойных латинян», крепнувшее с конца XI в., от одного крестового похода к другому, оправдалось. Христиане западной части некогда единой империи, вооружившись для борьбы с «врагами Христа», разгромили христиан части восточной.

Подданные Византии пережили тяжелое психологическое потрясение. Рухнуло благосостояние, социальное и общественное положение высшей светской и духовной знати. Судьба большинства её представителей была неразрывно связана с Константинополем. Именно Константинополь подвергся в первую очередь разгрому. Униженные и ограбленные, знатные византийцы, включая их наиболее культурную элиту, бежали в поисках спасения в провинции, например, княжество Феодоро и его округу.

Пережитая трагедия сопровождалась огромнейшими материальными и духовно-нравственными потерями, разрывом устоявшихся экономических, политических, социальных и культурных связей, дезорганизацией общественной жизни, крупнейшими миграциями населения, падением значимости церкви и монастырей в их общественной и моральной роли, утратой множества памятников культуры и искусства.

Потеря единого мощного культурного центра, в котором были сосредоточены главные творческие силы империи, разрыв политических связей, ослабление экономического обмена между бывшими имперскими землями — все это, несомненно, играло роль общего негативного фактора в развитии областей культуры и искусства.

Все это не могло не иметь серьезных последствий для судеб византийской культуры. Но и сами эти по-

следствия не могли не быть разными в различных частях. По-разному и разными темпами протекали условия формирования и упрочения самостоятельных государств, коим было княжество Феодоро. Учитывать это необходимо, тем более что избегнувшие латинской волны владычества территории были в разное время воссоединены или искали пути воссоединения политических, экономических, а главное, культурных связей с Византией.

С превращением княжества Феодоро в самостоятельное независимое государство местные культурные силы получили мощную поддержку со стороны центральной власти, т. е. стали подлинным центром региональной культуры, где усиленно стимулировалось развитие всех отраслей культуры и искусства, на сколько это было возможным в настоящий момент.

В Крым хлынул из разоренного Константинополя, Фессалоники, Афин и других крупных центров империи поток беженцев, в том числе высших представителей византийской культуры, литературы и искусства, составлявших славу Византии до 1204 года.

Элитарная культура, бывшей империи, хлынула вместе с самой элитой из бывшей столицы и крупнейших культурных центров в провинцию, коим было княжество Феодоро в отношении самого Константинополя, как в убежище, где деятелям культуры и искусства были обеспечены сравнительно благоприятные условия для их жизни и творчества. Провинциальная культура Таврики испытала, таким образом, мощный и благотворный прилив со стороны культуры столичной, причем в такой степени, в какой провинция Византии не знала ещё этого раньше.

Культура Крыма не только сохранила достижения культуры Византийской империи предшествующего периода, но и преумножила и развила их несмотря на то, что Крым, неоднородный по своему этническому составу, смог подготовиться к последующему культурному расцвету, который принято обозначать как Палеологовское Возрождение.

В культурном центре, каким был Мангуп уже в XIV в., процветало изобразительное искусство. Прежде всего, необычайно возросла интенсивность интеллектуально-духовной деятельности. Основное внимание было приковано к своеобразным проявлениям человеческой уникальности и свободы. Тайны универсума, сокрыты в глубинах духовного мира отдельной личности, которая воспринимается как центр мироздания. Чистая человеческая сила выражается в радости, потому что является символом доброго. Она возвещает не только о жизни, но и о душе, о духовной жизни. В личности же жизнь и дух неразрывны. В радости, открытости, непосредственности сливаются все границы.

Именно христианство явило почву для европейской персоналистской традиции. В нем личность понимается как своеобразная святость, абсолют. Личность не есть нечто тварное, она представляет собой и божественное начало. Речь идет о трактовке человека как безусловной ценности космоса.

Христианство учит: в идеале телесность должна быть соотносена с духовностью, сливаться с ней. Человеку же надлежит культивировать в себе не только человеческую плоть и рассудок, но возвращать также чувства, через которые и раскрывается личностное богатство и уникальность. В христианской тра-

диции понятие плоти не совпадает с понятием тела.

Личность — это высочайшая степень духовного развития человека, которая представляет собой стойкую совокупность социально-значущих качеств, которые характеризуют индивидуальность как уникальную субъективность, способную осваивать и изменять мир. Личность — это человек, который находится на определенной ступени исторического развития. Иначе говоря, каждая личность — человек, но не каждый человек является личностью. Человеческим индивидом рождаются, а личностью становятся. В отличие от индивида, индивидуума и индивидуальности, сущность которых формируется преимущественно на основе биологической природы человека, сущность личности опирается главным образом на её духовные и социальные качества. Понятие «личность» включает в себя совокупность всех социальных ролей данного человека, всего общественного отношения, важнейшими среди которых есть отношение к общественному долгу, а также к установкам общественной морали. Личность допускает ту или другую степень автономности и воли человека в своих действиях и персональную «личностную» ответственность за них. Таким образом, личности нет вне самореализации индивидуума, проявления им своей неповторимой индивидуальности, т. е. личность — это развитая творческая индивидуальность.

О самоидентификации личности, о тождестве личного сознания или самосознания в разные времена писали многие философы. В частности, Павел Флоренский утверждал: «... Нумерическое тождество есть глубочайшая и, можно сказать,

единственная характеристика живой личности». Тождество личности устанавливается «через единство самопострадающей или самополагающей её деятельности» [9, с. 127-128].

Наконец, личность — это собственно тот субъект, который обладает всеми природно-индивидуальными свойствами. Само по себе личностное бытие бескачественно. Любые характеристики относятся к природе. Личность же — это тот, кто владеет этими качествами, свойствами, энергиями, кто развертывает их в реальном бытии. Личность оказывается над-качественным, над-природным бытийным стержнем, вокруг которого и группируются природные качественные признаки.

Мироощущение вовсе не было предельно закрытым, герметичным. Внутри личности формируется особая отзывчивость, откликнутость, открытость и даже страсть ко всему новому, готовность уловить созвучное состояние души, проникнуть в её настрой, воспринять зов другого человека. Пытливый взгляд на иные культурные и духовные миры несомненно содействовал поиску личностного духовного идеала, создавал увлекательные, захватывающие духовно-антропологические перспективы.

Поиск идеала личности приковывал внимание к таким важнейшим измерениям человеческого бытия, как любовь, творчество, страсть. Однако и такие состояния человеческой души, как горечь, тоска, печаль и скорбь, смерть представлены не менее значимыми, чем радость, ликование, оптимизм.

С данной точки зрения большого внимания заслуживают произведения фресковой росписи средневековой Таврики, в которых телесность образов соотносена с духовным началом, сливается с нею. Тварное под-

нимается из безысходности бытия в стремлении достичь божественного начала, несмотря на то, что жизненные формы изящных с обезобразными и наивная смесь величия и красоты с безвкусицей служат явным признаком молодого, свежего и неиспорченного роскошью искусства стенописи средневековой Таврики. Когда оно, еще слабое и неопытное в технических средствах, отважно стремится к достижению высоких целей и в неразвитости своих элементов является прямым выражением неистощимого богатства идей, в такой же неразвитости сомкнутого в таинственной области верования.

Как бы высоко ни ценилось художественное достоинство какой-нибудь из фресок средневековой Таврики, никогда она не удовлетворит эстетически воспитанного вкуса не только по своим ошибкам в рисунке и колорите, но и особенно по той дисгармонии, какую всегда оказывает на душу художественное произведение. Первый признак фресок средневековой Таврики — отсутствие сознательного стремления к изяществу. Они не хотят знать красоты самой по себе, и если спасаются от безобразия, то потому только, что, будучи проникнутыми благоговением к святости и божественности изображаемых личностей, они сообщают им какое-то величие, соответствующее благоговению молящегося. Вследствие этого красоту заменяют в них благородством. Во фресковых росписях XIII — XIV вв., при всей несуровости многих фигур, в постановке и движениях, при очевидных ошибках, супротив природы, при невзрачности большей части лиц, все же ни одному из изображений нельзя отказать в благородстве и яркости характера, которое мог сообщить им художник только под тем условием, что он сам

был глубоко проникнут сознанием святости изображаемых. Эти художественные идеалы, высоко поставленные над всем житейским, идеалы, в которых художники средневековой Таврики выразили свои понятия о человеческом достоинстве.

Чтобы определить господствующий характер идеалов фресковой стенописи средневековой Таврики, необходимо обратить внимание на выбор самих сюжетов и на точку зрения, с которой они изображались. На средневековых фресках мы видим, какие личности более господствуют: юные и свежие или старческие и изможденные, красивые и женственные или мужские и строгие. Мы видим, что фресковая роспись предпочитает мужские идеалы женским, придавая большее разнообразие первым и не желая изображать женскую красоту и грацию. Из мужских фигур лучше удаются старческие или, по крайней мере, зрелые, характеры вполне сложившиеся, лица с бородою, которую так любит разнообразить фресковая роспись, и с резкими очертаниями, придающими типу индивидуальность портрета, как это можно видеть, например, на изображении Иоанна Предтечи в храме Иоанна Предтечи в Керчи.

Менее удаются юноши, потому что их очертания, по неопределенности нежных, переливающихся линий, сближаются с девичьими. Впрочем изображения ангелов нередко являются во фресковой живописи замечательным в этом отношении исключением, удивляя необыкновенным благородством своей неземной природы. Еще меньше мужских юношеских фигур удаются фигуры детские, для изображения которых требуется еще больше нежности и мягкости, нежели в фигурах женственных. Эту сторону можно луч-

ше всего оценить в изображениях Христа — Младенца, который обыкновенно больше похож на маленького взрослого человека, с резкими чертами вполне сложившегося характера, как бы для выражения той богословской идеи, что Предвечный Младенец, не разделяя со смертными слабостями детского возраста, и в младенческом своём образе являет строгий характер испкупителя.

Потому в изображении Богородицы с Христом-Младенцем фресковая роспись не избегает намёков на природные, наивные отношения, в которых с такой грацией высказываются нежные инстинкты между обыкновенными матерями и их детьми.

Древнейший тип Богородицы, общий Западу и Востоку, на Западе получил самое разнообразное развитие; на Востоке — хотя и сохранился как остаток предания, но менее занимал воображение художников, нежели тип строгий, отрешённый от всяких намёков на земные отношения между матерью и младенцем. С этой целью Богородица изображается во фресковых росписях средневековой Таврики более задумчивой и углубленной в себя, и только наклоном головы иногда сопровождает она выражение на лице какого-то скорбного сочувствия, обыкновенно называемое «умилением».

Отрешённость от житейских условий, принятая за принцип фресковой росписи средневековой Таврики, выразилась в этой священной группе заменой семейных уз неземным союзом, в котором Богоматерь представляется мистическим престолом, на котором восседает её Божественный Сын, благословляющий своей десницей. Но иногда свобода наивной фантазии внушала художникам самые грациозные идеи, как, например, изображение Богоматери в храме

Св. Стефана в Феодосии (ныне храм Св. Димитрия Солунского рис. 1) [7].

Греческий храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского находится на северо-восточном участке средневекового городища, на небольшой возвышенности, расположенной между двумя водоотводными каналами, в пределах внешнего оборонительного кольца. Фресковые росписи покрывали весь внутренний объем храма. В настоящее время сохранилась лишь малая часть росписей, но и по ним можно определить византийский стиль и высокое мастерство иконописи. На сегодняшний день лучше всего сохранилась роспись алтарной апсиды и западной стены церкви.

Идея возвышенная и строгая со вмещена в нем с мелочами действительности, принимая характер сентиментальный и женоподобный именно вследствие развития женственного чувства в Богоматери, как в идеале всех смертных матерей. Этот принцип являет добрую сторону в типе Богоматери, в его применимости к повседневной обстановке действительности, но вместе с тем предлагает для фантазии, слишком заманчивый путь заглушить божественную идею житейскими мелочами.

Чтобы изъять священные изображения из мелочной обстановки ежедневной жизни, фресковая роспись возводит их в область молитвенного чествования. Величавые фигуры апостолов с обеих сторон с благоговением молитвы притекают к Господу, восседающему на престоле. Святые молятся, обращаясь с молитвой; иные держат в руках святыне Писания в виде книги или свитка с начертанным на нем священным текстом. Само собой разумеется, что молитвенное настроение налагает заметную печать однообразия на все эти

священные лица, зато предохраняет живописца от падения в тривиальность и в оскорбительную для религиозного чувства наивность, которые неминуемо обнаружались бы, если бы его слабое и неразвитое искусство отказалось от служения молитве.

Живопись объемная, тоновая, красочная. Решение фигур — без излишней детализации, довольно обобщенное. Отличается от фресок столичной школы, где живопись напоминает миниатюру с тщательной проработкой деталей ликов, рук, одежды. Здесь же изображения поданы общим цветовым пятном. Объем достигается тоновым решением того же цвета. Образы смотрятся монументально, величественно. Обращает внимание величина изображений, так же как и градация красных тонов. Цветовая гамма теплая, насыщенная. Все это отличает их от несколько иллюстративных, выполненных на светлом, чаще белом, без подцветки, фоне фресок Константинополя. Изображения святых исполнены в единой гамме. Необходимо заметить, что цвет помогает выявлению идеи, замысла, заложенного в решении сюжета. Цвет одежд — красный. Именно он в церковной живописи является цветом личностного начала. Красные одежды на темном фоне — рефть смотрятся как ярко горящий светильник в чернильной темноте язычества.

Однообразие молитвенной обстановки усиливается однообразием разрядов, на которые делятся изображаемые фигуры в их определенных костюмах; это праотцы, апостолы, мученики, святители и т. д. (рис 2. и 3.).

Так как в византийской живописи нет планов, то здесь ощущается явное присутствие эллинистической традиции иллюзорности, в первую очередь за счет решения иконографии.

Средневековые художники имели все основания игнорировать малозначущую подробность и ограничивать изображение главными действующими лицами. Мастера средневековой Таврики явно не были в стороне от новых веяний в мировом искусстве, а, напротив, являлись их проводниками. Одной из основных черт живописи может считаться гораздо более тесная и в то же время более многообразная, чем ранее, связь с искусством других стран. Духовное общение Крыма с южнославянскими странами особенно усиливается во II половине XIV в. Расхождения с традицией в понимании личностного начала были, прежде всего, расхождением между рабским копированием евангелия и его свободной интерпретацией, свойственной самостоятельному и мыслящему мастеру, характерной для крымской школы стенописи в данную эпоху.

Приобщение святых средневековой Таврики к циклу общехристианскому и заимствованному из Византии внесло немного разнообразия в эту систему, а, значит, святые средневековой Таврики писались на образец типов, заимствованных из Византии. Круг святых Таврики ограничивается, за немногими исключениями, князьями. Таким примером служит храм Трех всадников, на фресках которого изображены святые Таврики, однако их имена до сих пор не персонифицированы. Аналогично, на фресках храма Донаторов изображены члены семьи, на средства которой произведена роспись храма, но имена изображенных также не идентифицированы [2, с. 135].

В настоящее время от композиции сохранился фрагмент изображений высокой фигуры с нимбом, бородатого мужчины, девичьей фи-

гуры и молодой женщины. Также в западном аркосолии северной стены, вблизи описанного выше изображения «княжеской семьи», рядом с фигурами двух святых воинов в рост — согласно подписям, Святого Георгия и Святого Дмитрия, — помещены изображения двух «донаторов» (рис 4.).

О. И. Домбровский на основе результатов изучения фресковых росписей пещерных храмов Эски-Кермена и его окружи пришел к следующему выводу: «Из многих провинциальных византийских школ живописи та школа, которая в XII — XIV вв. складывалась в Юго-Западном Крыму, была одной из наиболее поддавшихся столичному влиянию; она тесно соприкасалась с придворным аристократическим искусством Византии» [7, с. 50].

Каждое творение несет в себе сущность вдохновителя. Именно духовность и была воплощена мастером в храме Донаторов. Меценатом была задана идея, навеянную Всевышним, а зодчий переводил её образы, не ограничивая себя уже имевшимися образцами. Безусловно, божественную идею повторить нельзя, сделать точную копию невозможно. Так что храмовая роспись абсолютной Таврики — это новый, восходящий этап творчества, появившийся в памятниках городов средневековой Таврики.

Несмотря на все недостатки работы талантливого, но недостаточно искусственного провинциального мастера, в данных произведениях ощущается сильная и свежая струя раннего, но уже не провинциального стиля, а зарождение новой школы, хотя и под влиянием Византийского стиля. В гармоничных по линии и цвету фресковых росписях Таврики в выразительности и экспрессии

отдельных фигур сказывается влияние столичных икон. Вместе с тем сильно ощущаются и собственные черты — особая монументальность композиции, достоинство, подчеркнутое в образах святых, стремление к введению пространства в изображаемое. Приведенные выше фресковые росписи являются свидетельством взлета творческой активности художников первой половины XIV в. в Таврике.

Выводы и перспективы дальнейших исследований:

Фресковое искусство средневековой Таврики характеризуется появлением живописцев ярких творческих индивидуальностей, художников, чей почерк можно сразу же определить. Их имена, в том числе тех, которые вышли из константинопольской художественной школы, нам, к сожалению, не известны. Каждая отдельная фреска представляет как бы отдельный мир с собственными внутренними связями и своей атмосферой. Манера письма на фресках характеризуется теперь большей свободой и лёгкостью. В XV в. композиция начинает яснее, чем ранее, разворачиваться в глубину, отличаясь четкостью построения. Живописцы представляли собой тонких рисовальщиков, умевших передавать сложные ракурсы фигур. Это проявилось, в частности: в акцентуации личностного начала, в повышенной эмоциональности образов, мистическом индивидуализме, в сакрализации стенописи Таврики. Так формируется вполне самобытный, уникальный, художественный крымско-византийский стиль, характеризующийся возвышенной образностью, сочетающейся с витально-бытовой конкретикой.

Рис. 1. Фигура Марии из Деисуса
в конхе апсиды храма Св. Стефана.
Схема росписи по О. И. Домбровскому

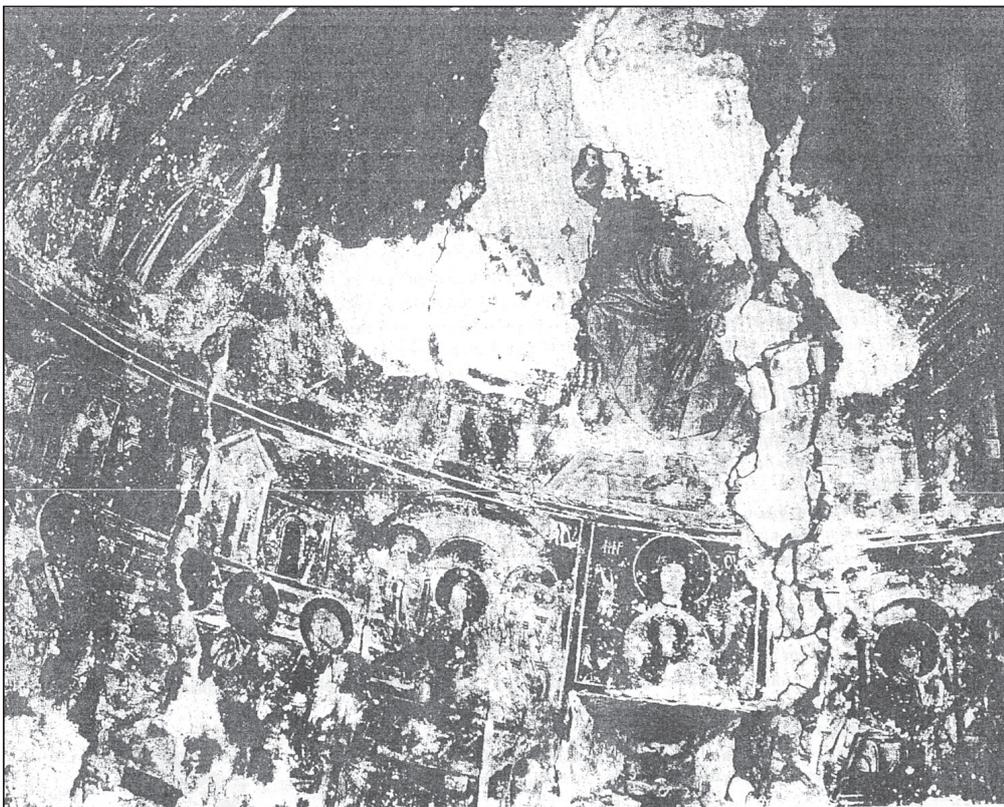

Рис. 2. Роспись алтаря храма Св. Стефана. Схема росписи по О. И. Домбровскому

Рис. 3. Апостолы. Деталь сцены Евхаристии в храме Св. Стефана. Схема росписи по О. И. Домбровскому.

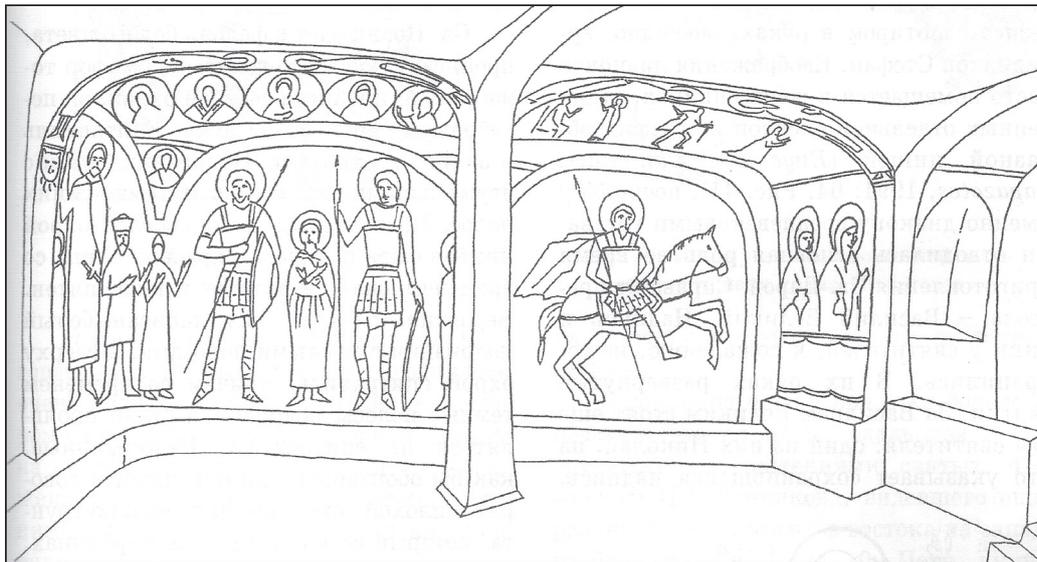

Рис. 4. Схема росписи стен и плафона купола Донаторов. Схема-реконструкция, выполненная И. Г. Волконской в 2002 г.

1. Веймарн Е. В. Сюйренское укрепление / Е. В. Веймарн, Н. И. Репников // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 годов / Под ред. С. Д. Димитрова. — М., Л., 1935. — С. 121.
2. Волконская И. Г. Иконографические схемы алтарных росписей храма Успения и храма Донаторов / И. Г. Волконская // Древний город Эски-Кермен: Археология, история, гипотезы. — СПб., 2005. — С. 135.
3. Гайдуков Н. Е. Два пещерных монастыря горной Таврики: Заметки к описанию / Н. Е. Гайдуков, Э. Н. Карнаушенко // Искусство христианского мира / Гл. ред. Протоиерей Александр Салтыков. — М. — 2001. — Вып. 5. — С. 247–260.
4. Гайдуков Н. Е. Новые данные по храмовым росписям Эски-Кермена и его округи / Н. Е. Гайдуков, Э. Н. Карнаушенко, А. В. Джанов // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. — К., 2002. — С. 114–132.
5. Герцен А. Г. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев // Крымский музей. — Симферополь: Таврия, 1995. — Вып. 1. — С. 7–17.
6. Герцен А. Г. Пещерные церкви Мангупа / А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев. — Симферополь: Таврия, 1995. — 109 с.
7. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма / О. И. Домбровский. — К.: Наукова думка, 1966. — 104 с.
8. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928 — 29 гг. / Н. И. Репников // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. — 1932. — Т. 12. — Вып. 1-8. — С. 133–149.
9. Флоренский Павел, священник. Из богословского наследия: Культ, культура и религия / Павел Флоренский // БТ. — М., 1977. — № 17. — С. 127–128.
10. Якобсон А. Л. Средневековый Крым / А. Л. Якобсон. — М. — Л.: Наука, 1966.

The considered unique monuments of medieval art located in the territory of the Crimea are known long ago, however so far there is no their complex culturological research which would allow to open the valuable and art importance, features of picturesque style, to track versatile communications with the east Christian world.

Key words: *fresco; Christianity; orthodox culture; sacral art; spiritual heritage.*

Сведения об авторах

Бурова Валентина Сергеевна — старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Буряк Виктор Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, профессор кафедры ЮНЕСКО «Возобновляемая энергетика и устойчивое развитие».

Ильянович Екатерина Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурной антропологии и этнографического туризма ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Катунина Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурной антропологии и этнографического туризма ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Коноплева Анна Алексеевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Кочнова Ольга Анатольевна — кандидат культурологии, и. о. доцента кафедры театрального искусства ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Лазарев Феликс Васильевич — доктор философских наук, академик Крымской академии наук, профессор кафедры социальной философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Лыкова Наталия Николаевна — кандидат культурологии, преподаватель высшей категории, преподаватель Симферопольского колледжа железнодорожного транспорта.

Муза Дмитрий Евгеньевич — доктор философских наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнографического туризма ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Солодилова Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии Восточноевропейского национального университета имени В. Даля.

Фёдоров Юрий Валентинович — заслуженный артист Украины, кандидат философских наук, главный режиссер Государственного академического музыкального театра Республики Крым, доцент ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Шамрай Виктория Валентиновна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной философии Института философии Национальной академии наук Украины.

Швецова Антонина Викторовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнографического туризма ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Элькан Ольга Борисовна — кандидат культурологии, и. о. доцента кафедры социальных и гуманитарных наук ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ф. В. Лазарев
Русский мир в горизонте XXI столетия4

В. В. Буряк
К вопросу о методологической базе
культурологических исследований14

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Д. Е. Муза, Е. Б. Ильинович
Номо matrix: к ревизии проблемы
субъективности культуры информационного общества20

Ю. В. Фёдоров
Проблемы деградация современного социума, или
Нарастающие тенденции негативного преломления
ценностно-мировоззренческих представлений человека27

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

А. В. Швецова, В. В. Шамрай
Идея нации и национальная культура36

А. А. Коноплева
Радикализм в национальной культуре
как основа экстремистских проявлений43

Е. В. Солодилова
Эстетическая инкультурация49

Е. В. Катунина
Медиация в аспекте коммуникативной культуры
как метод разрешения конфликтов55

V. S. Burova
Social Cultural Competence Formation at Foreign Language
Classes at Non-Language Specialities
in Higher Educational Establishments60

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. А. Кочнова
Семиотический анализ
художественного фильма «Хайтарма»66

О. Б. Элькан
Воплощение символистского восприятия природы
в ранних произведениях П. В. Кузнецова
(1900-1905-е годы)72

Н. Н. Лыкова
Личностное начало и его отражение
во фресковой росписи средневековой Таврики79

Сведения об авторах91

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

Культурология

№ 6 (2014)

Редактор *Г. Н. Гржибовская*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. В. Климашенок*

Подписано к печати 25.06.2014
Формат 189x283
Гарнитура Times New Roman
Тираж 50 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел.: +79780219280, +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru